

Бестселлер New York Times

В ЛИНКОЛЬНВУДЕ ГАСНЕТ СВЕТ

От автора
«Бивиса
и Баттхеда»
и «Босса-
молокоса»

Уморительная черная комедия

ДЖЕФФ РОДКИ

РИПОЛ КЛАССИК

Джефф Родки

В Линкольнвуде гаснет свет

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68611929

В Линкольнвуде гаснет свет: РИПОЛ классик; Москва; 2022

ISBN 978-5-386-14675-7

Аннотация

Очередной день самой обыкновенной семьи не предвещал ничего особенного, пока весь мир не остановился...

Свет, телефоны, ноутбуки, автомобили, поезда... вся техника оказалась обесточена. Нормальная жизнь – такая, какой мы ее знали, – закончена.

Или нет?

Искрометный, язвительный и злободневный роман об одной семье из пригорода, которая пытается понять, что, черт возьми, происходит и как быть дальше на фоне глобального бедствия.

Содержание

Вторник (октябрь 2019)	5
Семейство Альтманов	5
Дэн	16
Хлоя	26
Макс	33
Джен	41
Дэн	46
Джен	57
Дэн	77
Джен	83
Хлоя	86
Макс	88
Дэн	91
Джен	98
Хлоя	108
Макс	115
Хлоя	120
Дэн	123
Джен	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Джефф Родки

В Линкольнвуде гаснет свет

Copyright © Geoffrey Rodkey 2021

This edition is published by arrangement with HG

Literary and The Van Lear Agency LLC

© Белитова П. Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО Группа компаний
«РИПОЛ классик», 2022

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

Вторник (октябрь 2019)

Семейство Альтманов

– У нас йогурт закончился.

Это обвинение Дэн произнес тоном уязвленной печали, уставившись в открытый холодильник. Верхняя полка, где обычно хранились контейнеры с греческим йогуртом, была пуста, за исключением недоеденных оливок и банки ананасовой сальсы двухгодичной давности, которую Дэн купил по ошибке и все никак не мог выкинуть, несмотря на то что никто в доме не хотел прикасаться к сальсе, испорченной присутствием в ней фрукта.

Обвиняемая Дэна не слушала. Джен сидела за кухонным столом перед чашкой кофе в рубашке, в которой до этого спала, и мертвым взглядом смотрела в телефон. На его экране виднелся кусок текста статьи «Нью-Йорк Таймс» из раздела «Питание и фитнес» с заголовком «Как перестать плакать».

Листая ленту и заметив заголовок, Джен отнеслась к статье с насмешливым презрением: «Это с каких пор в „Таймс“ выпускают статьи, которые не приняли в „Вуманс Дэй“?»

Но эта мысль тут же сменилась другой, менее циничной: «Может, это поможет?»

К сожалению, через три параграфа Джен поняла, что статья была нацелена не столько на читателей, которые хотели перестать много плакать, сколько на людей, которые хотели перестать это делать у всех на виду. Джен плакала в одиночестве, обычно в ванной на втором этаже, по рабочим дням, когда дома никого не было. В «Таймс», вероятно, решили, что это не проблема или, наоборот, настолько запущенный случай, что помочь тут невозможно. Тяжело сказать.

В любом случае, к тому моменту как Дэн предъявил свое обвинение, Джен перестала даже пытаться читать. Ее глаза все еще смотрели в экран телефона, а мысли пытались разрешить другой вопрос, занимавший теперь все ее будни: буду или не буду?

Нет. Не сегодня.

Ну, может быть...

Нет! Боже...

Но...

– Ты разве не ходила вчера в магазин? – Пассивная агрессия не смогла привлечь внимание жены, так что Дэн попытался еще раз, и уже без всякой пассивности: – Я думал, ты... Джен? Джен!

Жена наконец-то оторвалась от телефона:

– Что?

– Почему ты вчера не ходила в магазин?

– Я ходила! Купила ужин.

Ужин состоял из лазаньи и жареного шпината из «Делек-

таблс» – премиум-магазина на Хотторн-стрит, где продавали только готовые блюда по завышенным ценам. Джен выбрала его в понедельник вечером вместо более универсальных альтернатив по одной простой причине, которую она не решилась сообщить Дэну: доехать до «Делектаблс» и обратно можно было, совершая исключительно повороты направо.

– Почему ты на завтрак ничего не купила?

– Я работала! И заказала доставку. Не знаю, почему она еще не приехала.

Ноутбук Джен лежал на столе между ней и Максом. Джен отодвинула чашку с кофе и притянула ноутбук к себе. Перед тем как открыть его, она шлепнула четырнадцатилетнего сына по свободной руке.

Макс сидел, нацепив на голову огромные голубые наушники, из-за которых он стал похож на мартышку-киборга с крошечной головой. Он запихивал в рот хлопья и смотрел на телефоне видео о боевых искусствах. Разбитый экран, покрытый капельками разбрызганного молока, показывал полуголого, раздутого стероидами мужчину с ирокезом, проводившего инструктаж по технике удара локтем в лицо.

– Что? – рявкнул Макс.

– Хватит пялиться в экран. – Джен открыла вкладку браузера с сайтом доставки.

– Ты тоже пялилась!

– Я пялилась не просто так.

– Я тоже!

Чего мама не знала – потому что Макс скорее отрезал бы себе палец, чем стал ей объяснять, – так это что видео о ударе локтем в лицо смотрелось не ради праздного развлечения. Это было исследование для научного проекта с серьезными последствиями для его, Макса, будущего.

– Я думаю, нам всем надо перестать пялиться в экраны, – объявил Дэн.

Раздражение Джен от этой фразы (как будто ее муж не проведет всю дорогу до Манхэттена, уставившись в *свой* экран) усилилось неприятным осознанием: блюда на общую сумму 137,54 доллара все еще лежали в корзине. По какой-то причине Джен не завершила заказ.

– Черт!

– Что?

– Я заб... – *Плохая идея, не признавайся.* – Доставка занимает целую вечность.

Джен выбрала следующее доступное время доставки и быстренько завершила оплату. Головная боль, с которой она проснулась, усилилась и переместилась за левый глаз.

– С восьми до десяти вечера.

– Вечера? И что нам делать до вечера?

– Съездить в магазин, как делают нормальные люди. – Слова были похожи на рык. Джен знала, что переходить в контрнаступление – неразумное решение, но, когда тебе в глаз вонзается невидимая игла, действовать стратегически не так-то просто.

– И кого мы отправим в магазин? – Дэн был уверен в своем моральном превосходстве и сменил тон с обиженного на возмущенный.

– Тебя, может быть?

Дэн резко вдохнул. Джен предложила ему купить продукты за пять минут до выхода на работу. Домой он не вернется до вечера. Это не просто абсурдно с точки зрения логистики – это нарушение их брачного контракта. Согласно неписаным правилам их отношений Джен составляла список покупок и ходила в магазин, за исключением особых случаев. И они оба знали, что оставлять Дэна одного в супермаркете – плохая идея. Ананасовая сальса служила тому подтверждением.

И даже если бы у Дэна были время съездить в магазин и ментальные силы, чтобы запомнить список продуктов (а их не было – его ожидал очень нервный рабочий день, полный креативных задач, которые он еще не сообразил, как решить), если бы Дэн взял на себя такую крупную часть домашних обязанностей жены, что он получил бы взамен? Если Дэн купит продукты во вторник, Джен пойдет сдувать листья с лужайки в субботу? Заполнит страховые бумаги на прием психотерапевта Хлои? А может, она – чего мелочиться? – перестанет выживать на крохах от своих консалтинговых подработок, устроится на полный рабочий день и освободит его от необходимости оплачивать девяносто процентов семейных расходов?

Полная чушь!

– И когда мне туда ехать? У нас выходят два новых сюжета, мы можем задержаться до полуночи!

Джен захлопнула ноутбук, признавая поражение:

– Успокойся! Я съезжу. Господи!

– Неужели это так сложно?

– Не сложно. У меня дедлайн горит, но ничего. Все в порядке.

Джен поднялась из-за стола и, сжав зубы от непрекращающейся головной боли, достала из ящика ручку и пачку стикеров.

– Какой дедлайн? С Рутджерсами?

– Ага. Именно поэтому я не попала вчера в магазин.

Дела с Рутджерсами закончились неделю назад (*я отправила инвойс? – надо проверить*), но Дэну это знать не обязательно, так что Джен вытащила их на свет исключительно ради небольшого преимущества в споре.

– Что нам нужно, кроме йогурта?

– Хлопья, фрукты, молоко... – Дэн снова открыл холодильник и осматривал его внутренности с нарастающим беспокоеством. – Апельсиновый сок... Мясная нарезка... Сыры... Господи, что мне есть на завтрак?

– Есть яйца.

– У меня нет времени! Я опоздаю на поезд в восемь одиннадцать.

– Ты начинаешь в десять.

– У меня еще нет никаких идей! Нужно прийти пораньше и поразмыслить. Черт... Ладно, поем в «Барнабис».

– У тебя есть время на «Барнабис», но нет времени пожарить яичницу?

– По утрам там тихо. Поработаю за едой и сяду на восемь пятьдесят две. У тебя наличка есть?

– Была, но ее забрал репетитор Хлои. – Джен подняла голову. – Макс, что тебе нужно в супермаркете?

Зачарованный пошаговым исполнением удара открытой ладонью в подбородок, Макс не услышал вопрос.

– Макс!

Нет ответа. Дэн присоединился к жене:

– Макс!

Тишина.

– Макс!

Крик наконец достиг нужной громкости, чтобы пробиться сквозь наушники. Макс стянул их с одного уха:

– Чего?

– Что тебе нужно в продуктовом?

– Не знаю. Сырные палочки... Еще хлопьев. – Макс снова нахлобучил наушники, отгораживаясь от родителей.

– Не покупай ему хлопья, – предупредил Дэн. – Они вредные.

– Он только их и ест на завтрак.

– Если ты их не купишь, он не будет их есть.

– Тогда он вообще не будет есть! Посмотри, какой он ху-

дой.

На кухню вошла Хлоя. Ее влажные волосы пахли клубникой, а ярко-голубой топ, оголяющий мускулистые плечи, сочетался с таким злобным оскалом, что Дэн тут же сделал шаг назад, чтобы освободить дочери путь к холодильнику.

– Худой и мелкий *лузер*. Да, мам? – процедила Хлоя, дергая на себя дверцу морозилки.

Дэн и Джен переглянулись. Их дочь была явно не в духе, и никто из них не знал почему.

– Ты в порядке, милая? – спросил Дэн.

– Да. В полном! Для *лузера*.

Джен сощурила глаза в выражении усталости и боли:

– Что ты пытаешься ска...

– *Господи!* – взорвалась Хлоя, глядя в морозилку, которая была заполнена не лучше холодильника. Она повернула голову и вонзилась взглядом в Джен: – Ты не купила асаи-боулов? Что я буду есть на завтрак?

– У меня работа, Хлоя! – воскликнула Джен. – И гораздо больше обязанностей, чем просто...

– *У меня на первом уроке контрольная по современной политике! Что я буду есть?* – заорала Хлоя так, что Максусу пришлось увеличить громкость в наушниках на три деления.

– Почему ты такая дерганая?! – закричала в ответ Джен.

Хлоя издала нечто среднее между смешком и стоном:

– Ах да! Интересно, почему?

Дэну было ясно: какая бы ссора не назревала между мате-

рью и дочкой, он был к ней непричастен, а прошлый опыт показывал, что все попытки сгладить конфликт не просто провалятся, но и позволят ему вовлечь в ссору других членов семьи.

Дэн решил сбежать. Но перед этим он предложил Хлое место в спасательной лодке.

– Я собираюсь в «Барнабис», – сказал он ей. – Поедешь? Куплю тебе завтрак.

Сделав предложение импульсивно, Дэн только начинал просчитывать, какой ему потребуется уровень родительской жертвенности, чтобы просидеть за завтраком с дочерью, будучи совершенно неподготовленным к работе, когда Хлоя с рыком отвергла протянутую руку помощи:

– У меня контрольная! За мной заедет Эмма.

– А... хорошо! Ладно.

Дэн осторожно положил ладонь на спину Хлое, желая поддержать дочь, и проскользнул за своей сумкой к столу.

– Если будешь разговаривать со мной по-человечески, я пожарю тебе яичницу, – сказала Джен дочери тоном слишком резким, чтобы достигнуть перемирия.

– Ненавижу яичницу!

– Я побежал! Люблю вас обеих, не ругайтесь! – крикнул Дэн, убегая через коридор в гараж.

– Спасибо за помощь, отличного дня! – проворчала Джен затылку мужа и повернулась к дочери с усталым вздохом: – Пожалуйста, скажи мне, почему ты такая раздраженная?

– Ты не знаешь? Ты *серьезно* не знаешь? – Голос Хлои задрожал.

Ее взрывное настроение было вызвано сразу несколькими причинами: вчерашним групповым зачетом по теннису, пятничным тестом по математике, предстоящей контрольной, тренировочным вступительным экзаменом в субботу, рекордно низкими показателями приема в элитные колледжи США, дополнительным эссе для раннего заявления о поступлении в Дартмут, изменением климата, Инстаграммом Джоша Хаузера, отсутствием адекватного политического руководства в мире, отсутствием асаи-боулов в морозилке и, прежде всего, жестокостью ее матери.

Джен поморщилась, глядя на дрожащие губы Хлои. Ее дочь задала ей один простой вопрос, на который был только один верный ответ, и Джен поняла, что не справится.

– Это из-за тенниса?

– Это из-за *эссе*!

– А что с ним не так?

– **ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ!**

– Хлоя! Если ты мне не скажешь, я не смогу...

– *Поверить не могу!*

Макс увеличил громкость на максимум и повернул стул на тридцать градусов, чтобы сцена ссоры выпала из его поля зрения и он мог спокойно досмотреть «Топ 5 нокаутов одним ударом». У него были свои проблемы. И в отличие от сестры и ее вечной «холодной войны» с матерью, Макс собирался

разрешить свои быстро и окончательно.

Макс тренировался. Последние две недели он без конца смотрел видео о боевых искусствах и отжимался после обеда. Он был почти готов к расплате. Оставалось только сообщить, как спровоцировать Джордана Станковича еще раз на него напасть.

Было семь часов пятьдесят четыре минуты. Обычное утро вторника в Линкольнвуде, Нью-Джерси.

Дэн

Сидя в своем «лексусе» с поднятыми стеклами, Дэн все равно слышал голоса Хлои и Джен, доносящиеся с кухни. Он щелкнул пультом, открывая гаражную дверь, и опустил стекла, чтобы проследить за уровнем шума на случай, если судья Дистефано по соседству выгуливает свою таксу. Альтманы были крикунами (в семье Джен это, похоже, передавалось по наследству), но Дэн предпочитал обманывать себя и считать, что остальные четыре дома в тупичке на Брэнтли-серкл этого не знали.

Пожилого представительного судью и его столь же представительную таксу было не видно, но лужайку перед вычурным поместьем напротив патрулировала вредная псина — шнауцер Станковичей по кличке Искра. Заслышав механическое жужжание гаражной двери, собака залилась сумасшедшим лаем, в котором и утонули приглушенные крики Джен и Хлои.

Хозяин Искры, Эдди Станкович, стоял, прислонившись к своему черному «Шевроле Корвет», и потягивал вэйп. Его крупное тело было облачено в спортивный костюм с символикой футбольного клуба «Нью-Йорк Джайентс». Если он и заметил, что его собака распсиховалась так, что подняла на ноги всех в радиусе километра, то виду не подал.

Дэн повел машину из гаража на дорогу. Искра бесилась

и прыгала вдоль невидимой границы, установленной электронным ошейником. Эдди усмехнулся и помахал Дэну рукой.

– Эй, Голливуд! – прокричал он сквозь лай собаки и шум опускающейся гаражной двери. – Где деньги?

Дэн высунулся в окно и покачал головой, изображая беспомощность:

– Чувак, я пытаюсь! Бизнес – это нелегко!

Затем он помахал на прощание, включил радио, чтобы заглушить завывания Искры, выехал из тупичка и свернул направо на Уиллис-роуд.

Эдди шутил про деньги уже два года. Дэн так и не понял: то ли его сосед действительно просто шутил, то ли всерьез требовал креативную компенсацию от «Города пуль: Нью-Йорк» – сериала про крутого полицейского на Си-би-эс¹, где Дэн работал сценаристом. В отличие от остальных его друзей и знакомых, которые сочетали неподдельную радость от того, что Дэн так удачно сменил карьеру юриста, с полным отсутствием интереса к сериалу, Эдди был его ярим фанатом.

Даже слишком ярим – с той самой секунды, как Эдди узнал, что Дэна взяли сценаристом на первый сезон «Города пуль», он принялся заваливать Дэна идеями потенциальных сюжетных линий. Обычно они каким-то образом включали в себя химчистку. Видите ли, Эдди владел сетью из семи хим-

¹ Американская телерадиосеть.

чисток под названием «Чистильщики капо»². На их машинах красовалась огромная рисованная физиономия, сильно смахивающая на Эдварда Г. Робинсона³, с цитатой: «Я покажу тебе чистку, от которой невозможно отказаться!» Рекламный отдел сети, не стесняясь, копировал голливудские фильмы о мафиози – до того, что две разные студии отправили Эдди запретительные письма, требуя остановить откровенный плагиат. Копии этих писем гордо демонстрировались над кассами во всех семи чистках.

Предложения Эдди были ужасными, Дэн никогда не использовал их в своих сценариях. Но потом ведущий сценарист и шоураннер Марти Каллахан вставил в финал первого сезона три окровавленных трупа, свисающих с конвейера химчистки, и Эдди отказался поверить, что это совпадение. Рядом с копиями запретительных писем он разместил огромные скриншоты сериала в плохом качестве и подписал их: «ЧИСТИЛЬЩИКИ КАПО В ГОРОДЕ ПУЛЬ!» А потом начал требовать от Дэна деньги.

Дурацкая шутка придурковатого соседа была одной из многих вещей, которые подталкивали Дэна покинуть «Город пуль» и взяться за другой сериал – желательно хороший и созданный им самим. За престижную драму, например, ко-

² Сокращение от «*капореджиме*» – одна из наивысших ступеней в мафиозных семьях.

³ Американский актер, прославившийся ролью гангстера Цезаря Энрико Банделло в фильме «Маленький Цезарь» (1931).

тору его друзья и знакомые смогут смотреть без иронии.

Но это была долгосрочная цель. Сейчас Дэну нужно было придумать замену двум сюжетным наброскам, отвергнутым вчера Си-би-эс.

На радио заиграла песня «You Spin Me Round» группы Dead or Alive. Съезжая с холма вдоль элегантных домов Верхнего Линкольнвуда, Дэн покачивал головой в такт и выстукивал ритм по рулю.

Мужик убивает надоедливого соседа?

Опять?

Дэн уже убил сериальную копию Эдди в эпизоде тридцать семь, хотя настоящий Эдди так и не распознал во владельце сети пиццерий Ленни самого себя – свои манеры речи, гардероб и рекламные практики. Шнауцер Искра тоже получила свою награду – в эпизоде пятьдесят четыре она погибла.

Какие еще идеи, Дэнни?

Дэн почти наяву слышал насмешку в голосе своего босса Марти – старого друга, недавнего спасителя и еще более недавнего злейшего врага; двухметрового мужика с глупой ухмылкой, которая скрывала бесконечную неуверенность в себе. Порой эта неуверенность превращалась в ярость. Дэн видел ее вспышки на протяжении трех лет совместной работы, но Марти никогда не направлял свою злость на него – до прошлого мая, когда за один разговор о продлении контракта Дэн превратился из золотого мальчика в почти изгоя, которому грозило не вернуться на четвертый сезон, несмотря

на репутацию рабочей лошадки в команде сценаристов.

Пять месяцев и десять эпизодов спустя Марти о том разговоре не забыл. Дэн, всю жизнь стремившийся угождать людям, тоже. Но лед потихоньку таял, и Дэн подозревал, что, если он сможет придумать хорошую замену тем двум сюжетам, Марти оставит свою детскую обиду.

Подъезжая к светофору на Хотторн-стрит, Дэн переставил ногу с газа на тормоз. Он медленно вдохнул свежий октябрьский воздух и, задержав на секунду дыхание, почувствовал внутри знакомый творческий трепет.

Никаких идей.

Он со свистом выдохнул.

Два часа. Куча времени.

Из всех даров, преподнесенных Дэну сменой карьеры, оптимизм был самым неожиданным. Дэн всегда был самоуверенным в узком смысле слова. Даже будучи юристом, когда каждый день походил на другой – обязательные деловые костюмы, одиннадцатичасовые рабочие дни, оплачиваемые счетами за каждые шесть минут, – Дэн никогда не сомневался, что справится с любым фокусом, который выкинет жизнь.

Он просто отказывался верить, что все закончится хорошо – для него или кого бы то ни было. Дэн-юрист был мрачным фаталистом и с глубоким скептицизмом относился к идее, что Вселенная добра и справедлива.

А потом с ним случилось чудо, и он сменил нудные раз-

боры Пункта 105 Положения М Закона о торговле ценными бумагами на карьеру, где ему платят шестизначную зарплату, чтобы он выдумывал кровавые приключения копа-садомазохиста, собирал их в последовательность причин и следствий и смотрел, как Рэй Лиотта отыгрывает результат в павильоне в Куинс. Теперь Дэн верил в кармическую справедливость, что Дэн из прошлого посчитал бы необычайно наивным. Новый, улучшенный голливудский Дэн считал, что жизнь идет согласно плану, который можно было контролировать или хотя бы направлять в нужную сторону, если прикладывать усилия и обладать талантом.

Вся жизнь была задачей, которую можно было решить.

Эпизоды восемьдесят четыре и восемьдесят шесть? Можно решить.

Напряженные отношения с Марти? Можно решить.

Даже проблемы Джен и детей можно решить.

Но, господи, как тяжело с ними было в последнее время.

Хлоя была клубком нервов из-за школьных оценок, тенниса и последней попытки сдать вступительные экзамены в Дартмут. Макс застрял в переходном возрасте, отчаянно нуждаясь в наставлении (или, по крайней мере, в хобби, где не нужно пялиться в экран) и совершенно не желая его принимать – уж точно не от родителей.

А Джен едва держалась. Ее карьера превратилась в бардак, а ее попытки помочь Хлое в сложном процессе подачи документов в университеты пусть и имели благие намерения, но

превратили их отношения в настоящий пожар, вспыхивающий на пустом месте. Дэн боялся, что от ее помощи было больше вреда, чем пользы.

Из-за ссор с дочерью Джен стала выпивать по полбутылки вина каждый вечер. Дэн ее не винил. Психологически проблема Джен была очевидна: последние семнадцать лет она целиком и полностью посвятила себя детям, а теперь, когда дети выросли и больше в ней не нуждались, Джен металась между материнством и работой. Дэн надеялся, что, когда настанет конец колледж-эпопеи, его жена освободится от проблем детей и сосредоточится на себе. До того как стать матерью, Джен отлично продвигалась по карьерной лестнице. И да, может быть, она слишком долго пробыла домохозяйкой. Но Джен была все еще молода и талантлива – она легко сможет наверстать упущенное. Ей просто нужно заявить о себе, бросить кратковременные маркетинговые проекты и найти работу на Манхэттене.

Джен нужен свой «Город пуль». Профессиональное перерождение. Новая, улучшенная Джен.

Все у нее будет хорошо. И у детей тоже. Хлоя, может, и волнуется, но она крепкая девчонка. Через пару месяцев бессонные ночи окупятся, и она поступит в Дартмут. Макс со всем разберется. Он хороший парень. Неловкий, немного неуверенный, спортсмен еще хуже, чем Дэн в его возрасте. Но у Макса были мозги, острое чувство юмора и творческая жилка. Фильм, который он снял в творческом летнем лагере,

получился многообещающим. Если Макс продолжит в том же духе, то из переходного возраста он выйдет способным молодым человеком.

Несмотря на ссоры и плохое настроение в доме Альтманов, в целом все четверо были в порядке.

Даже больше, чем просто в порядке. Они были благословлены.

Дэн оставил машину на парковке «Нью-Джерси Транзит» у железнодорожной станции и перешел улицу к «Барнабис». Это кафе присоединилось к другим заведениям на Хотторн-стрит недавно. Им управляли двое хипстеров, сбежавших из Бушвика, с отличным вкусом в области дизайна, а подавали там высококлассные завтраки и ланчи, которые почти оправдывали свой дорогой ценник. Дэн заказал большой кофе и йогурт с хлопьями и ягодами, назвал кассиру свое имя и сел за столик у кирпичной стены. Затем достал из сумки черный молескин и посмотрел записи, которые нацарапал вчера вечером по дороге домой.

Каждый эпизод «Города пуль» развивался по определенной схеме. Во вступлении убивали жителя Нью-Йорка. В первом акте детективу Варгасу поручали расследовать дело. К третьему акту он его раскрывал. В четвертом акте беспомощная система правосудия совершала ошибку, и убийца выходил на свободу. В кульминации пятого акта Варгас уничтожал убийцу, не оставляя следов своего присутствия, и тем самым вершил правосудие, что было немножко по-фашист-

ски, но только если сильно задуматься.

Первые два сезона несколько обозревателей именно это и делали, но оставшихся 9,1 миллиона зрителей (неплохо, хотя и не дотягивает до первого сезона с его 12,3 миллиона) сюжетная арка полностью удовлетворяла, пускай и была предсказуемой.

Несмотря на это, снизившиеся рейтинги встревожили Си-би-эс, и тамошнее руководство стало чаще лезть в работу сценаристов: например, отвергло два сюжетных наброска, предложенных Марти, на том основании, что их шаблоны («озлобленная бывшая жена убивает успешного бывшего мужа» и «напыщенный критик гибнет от руки справедливо разозлившегося на плохой отзыв творца») уже использовались раньше по четыре раза каждый.

Этот факт не удивлял никого, кто был знаком с Марти, его семейной историей, взглядами на состояние профессиональной критики и привычкой использовать детектива Варгаса для изгнания собственных демонов. Тем не менее сценаристы остались с двумя зияющими дырами в сериале, которые нужно было заполнить как можно скорее. Пока Дэн придумал следующее:

Продажный коп вытряхивает деньги из продавца овощей и фруктов – Варгас травит экзотическим китайским овощем?

Агента Массادا убивает таксист из ХАМАСа – Варгас работает с горячей израильянкой?

Директор школы организовал кружок педофилов – Варгас душил его тряпкой для доски (ретро)?

Ничего из этого не казалось многообещающим, даже с учетом исчезающих стандартов качества четвертого сезона. Если Дэн хотел героически спасти команду сценаристов и возвысить себя в глазах Марти, ему нужны идеи получше. И придумать их нужно до встречи сценаристов в десять.

Дэн заткнул уши беспроводными наушниками, поставил погромче живую версию «The Core» из альбома «Crossroads 2» Эрика Клэптона и стянул колпачок с ручки «Вотерман», украшенной гравировкой, которую ему подарили на пятидесятый день рождения. Поправив очки, он целеустремленно сощурился.

Пора показать, кто здесь крут.

Было восемь часов семь минут.

Хлоя

Белый «Фольксваген Джетта» Эммы Шройдер стоял у подъездной дороги Альтманов. С покрасневшими от слез глазами и все еще злая после утренней ссоры с матерью, Хлоя протопала к машине, поправляя пухлый рюкзак и сумку для ракетки. Дернув пассажирскую дверь, она закинула ракетку на заднее сиденье, плюхнулась на место, поставив рюкзак на колени, и захлопнула дверь с такой силой, что Эмма не удержалась от вопроса:

– Что случилось?

– Моя мать такой мудака!

Эмма покачала головой, съезжая с Брэнтли-серкл:

– Это гендерное оскорбление. Женщины не могут быть мудаками.

– Ладно, тогда сука.

– А это сексизм.

– Каким образом? Я женщина! Она моя мать.

– Да, но ты интернализировала токсичную социальную норму, что если женщина ведет себя смело и напористо, то ее называют сукой. И таким образом патриархат...

– Эмма!

Она была лучшей и самой понимающей подругой Хлои, но за шесть месяцев, что Эмма провела в Твиттере, она выработала привычку переводить любой разговор в сферу со-

циокультурной критики.

– Мы можем просто поговорить о том, почему я злюсь?

– Ладно! Прости. Расскажи, что случилось. Но сначала сделай глубокий очищающий вдох.

Хлоя наполнила легкие воздухом, а затем резко его выпустила.

– Это, кстати, помогло, – признала она.

– Видишь? Так, говори, в чем дело.

Начиная рассказ, Хлоя расстегнула карман рюкзака и достала протеиновый батончик, который взяла вместо завтрака.

– Ты знаешь эти дополнительные эссе в Дартмуте, которые такие «Расскажите о случае в вашей жизни, где вы продемонстрировали стойкость»? И я хотела написать о том, как я вдруг забыла, как выполнять удар слева...

Эмма кивнула:

– Ты переволновалась.

Эмма не играла в теннис, но зато была форвардом в университетской баскетбольной команде, так что могла понять проблему Хлои на спортивно-психологическом уровне.

– Так вот, чем больше я старалась это исправить, тем хуже мне становилось. Я ходила к двум тренерам, к психологу, пыталась визуализировать...

– Но ты справилась. Верно?

– Я *думала*, что справилась. Неделю где-то. А вчера оно снова вернулось! Прямо посреди зачета!

– О боже! Почему ты раньше мне не сказала?

– Мне не хотелось об этом думать. – Хлоя зажмурилась и сглотнула. – По фигу. Лидия выиграла, обе пары тоже, так что мы все еще участвуем в турнире. Но я не только запорола игру – я запорола и эссе тоже! Потому что оно должно было быть о том, какая у меня была странная проблема и как я работала над ней и все исправила...

– Потому что у тебя есть упорство! Те, кто читает эти эссе, такое обожают.

– Ага, только нет у меня упорства. Потому что я не могу выполнить этот чертов удар слева!

– Ну, может... может, это другое упорство...

– Я об этом думала, – кивнула Хлоя, жуя батончик. – Типа, эмоциональная зрелость. Так что вчера я переписала все а-ля «иногда ты пашешь и пашешь, но этого все равно недостаточно, но самое главное, что ты сделал лучшее, что мог...».

– Нужно уметь принимать исход событий. Потому что ты действительно сделала лучшее, что могла. Правда! Сосредоточься на приложенных усилиях. Это круто.

– Ну! Я ложилась спать и думала: может, так эссе стало лучше? Более настоящим, что ли...

– Звучит впечатляюще.

– А пока я спала, мама зашла в Гугл Док и разнесла меня в пух и прах. Не только эссе – меня как человека.

– Не может быть!

– Может. Пишет такая: «Ты звучишь как долбаный лу-

зер».

– О боже!

– Ладно, она не писала «долбаный». Но типа: «Ты лузер и должна выкинуть это эссе в помойку и написать о *математике*».

– Господи, Френчи... Мне так жаль. Это ужасно.

– Все гораздо хуже. – Голос Хлои задрожал. – Сегодня утром я спускаюсь завтракать, а она мне: «Почему ты такая дерганая?»

– Серьезно?! Это после всего, что она написала?

– Угу. Я ей говорю: «Ты назвала меня лузером!» А она такая: «Нет, не называла».

– Что-о-о-о-о? Она тебя газлайтит, что ли?

– Получается! Самое смешное – она такая: «Ты меня не так поняла!» А я ей: «Прочитай, что ты написала!» Как будто она строчила это по пьяни и не помнит.

Эмма рассмеялась, не веря своим ушам:

– Ничего себе! Твоя мама напилась в понедельник вечером? Надо что-то с этим делать.

Хлоя покачала головой:

– Нет, в смысле, она не... Я пошутила, короче. Она много пьет, но не настолько. – Хлоя запихнула остатки батончика в рот и скомкала обертку. – Но типа... – Она с усилием проглотила батончик. – Твои родители стали бы такое о тебе писать?

– Нет, они бы Линду заставили...

Линда была консультантом Эммы по вопросам поступления в колледж.

– Только они платят ей слишком много, чтобы она писала обо мне гадости. Так что она, наверно, просто переделала бы все эссе.

Хлоя вздохнула:

– Не знаю. Может, мне не стоит поступать в Дартмут.

– С ума сошла! Куда ты будешь поступать?

– Не знаю. В Нью-Йоркский университет.

– У них есть дополнительные задания?

– Вроде бы. Но ничего страшного – одно эссе, что ли.

– Мне кажется, ты можешь поступить в универ получше.

Какой им нужен балл?

– Не помню. Нужно проверить. – Хлоя достала из сумки яблоко и начала копать в другом кармане в поисках телефона. – Но точно меньше. Так что мне не придется писать экзамен в субботу и рисковать получить фиговый балл.

– Да не получишь ты фиговый балл! На тренировочных ты...

– Божечки! Я не рассказывала? Я писала тренировочный экзамен в воскресенье и получила *двадцать девять* по математике.

– *Ни фига себе!* Как так получилось?

– Я не знаю! – Хлоя наконец отыскала телефон. – Богом клянусь, эта худшая неделя в моей жи... *А-а-а-а-а!*

– Что?

Хлоя выпрямилась и прижалась к сиденью. Ее глаза прилипли к экрану. Она нажала на уведомление Инстаграма:

– Джош ответил на мой комментарий!

– Который ты вчера вечером написала? Что он сказал?

– «Вот именно!», потом смеющийся смайлик, потом «Порекомендуешь какого-нибудь?», потом подмигивающий смайлик.

Эмма сморщила нос в недоумении:

– Подожди, что он запостил? Еще раз!

– Селфи с половиной лица, он лежит на полу, а подпись была «То чувство, когда проплыл пять километров и не можешь стоять на ногах».

– А ты написала?..

– «О-о, бедняжка», смайлик с костылем, «кому-то нужен массажист».

– А он ответил?

– «Вот именно! Порекомендуешь кого-нибудь?»

– То есть фактически он спрашивает: «Сделаешь мне массаж?»

– Ну! Что мне ответить?

– Ничего.

– Совсем?

– Он сколько на твой коммент отвечал? Двенадцать часов?

– Девять. С половиной. Но мне кажется, он в Инсте редко сидит. Может, даже уведомления отключил.

– И что? Не отвечай как минимум до обеда.

– А что мне тогда написать?

– Подразни его. Типа: «Я знаю обалденного качка-шведа по имени Ханс».

– Жестко! Мне нравится.

Эмма сощурилась, глядя в лобовое стекло. Подруги ехали по пустынной жилой улочке. Впереди на Бродмур-авеню по направлению к школе машины стояли в плотной пробке.

– Эй, это не твой брат?

На тротуаре недалеко от поворота рядом с припаркованной машиной на своем велосипеде сидел, согнувшись, Макс, и держал у рта кулак. Когда девушки подъехали ближе, он опустил руку и выдохнул облако дыма вдвое больше своей головы.

– Господи, вот мелкий преступник. – Хлоя опустила стекло и прокричала: – *Макс Альтман! Ты арестован!*

Макс

Крик сестры испугал его так, что Макс едва не упал с велосипеда. Он дернулся, и переднее колесо ударилось об его ногу. Макс удержал равновесие, но ради этого пришлось исполнить идиотские пируэты.

«Фольксваген» остановился у поворота, и Макс показал Хлое средний палец. Та высунулась из окна и прокричала:

– Ты сказал, что бросаешь!

– Я снижаю!

Это была неправда, если только не считать *снижение* в большую сторону.

– Хорошо, если так! А то я расскажу маме!

«Фольксваген» свернул на Бродмур-авеню, сливаясь с потоком машин, движущихся в школу, и Макс скорчил сестре на прощание гримасу. Последнее время он был на взводе, и крик Хлои перенагрузил его организм адреналином, который очень неприятно сочетался с четвертой за сегодня электронной сигаретой. Его руки и ноги так дрожали, что он вряд ли смог бы ехать дальше.

Сестрица такой мудака.

Макс глубоко вздохнул, пытаясь успокоить нервы. Умом он понимал, что бояться неспровоцированной атаки глупо. За две с половиной недели, что прошли с тех пор, как Джордан Станкович ударил Макса в голову в очереди за пиццей,

нападавший даже в глаза ему не смотрел, что уж говорить про угрозы.

Но нервная система Макса не откликалась на рациональность. Он засовывал сигарету в нагрудный карман куртки, а пальцы его тряслись. Макс слез с велосипеда – лучше идти пешком, пока не отойдет.

Макс свернул на Бродмур-авеню, и перед ним открылась картина великого прибытия в школу. Сотни детей, перенесенных сюда машинами, автобусами, велосипедами и скейтбордами, заходили в готическую пасть старинного здания старшей школы Линкольнвуда. Впереди на тротуаре Макс заметил знакомый логотип «Атаки титанов» на рюкзаке Дэнниса Гердеса. Он ускорил шаг и догнал Дэнниса и Энди Ко до того, как они перешли Гроув-стрит.

– Эй, как дела?

– Йоу.

Друзья небрежно кивнули Максу и вернулись к своему разговору.

– Просто сиди на крыше и снимай их из снайперки, – посоветовал Дэннис Энди.

– Нет, чувак. Тогда они пройдут через соседнее здание и вынесут меня сзади.

Боже...

– Когда вы уже бросите свою Колду? – спросил их Макс.

Энди фыркнул:

– Когда ты снова начнешь?

– Возвращайся, – улыбнулся Дэннис. – Вчера новые карты добавили!

Макс закатил глаза:

– Боже мой, так весело. У меня встает при одной только мысли.

– Твоя потеря, чел.

Энди пожал плечами, и они с Дэннисом продолжили говорить о стрелялке. Макс шел сзади, мрачно помалкивая.

Без преувеличения можно сказать, что мультиплеер в «Call of Duty» был корнем всех его проблем. До того как трое его близких друзей – Дэннис, Энди и Бен Шварц – не подсели на стрелялку, пока Макс был в летнем лагере, он считался в их группе альфой. Когда они играли в D&D⁴, он был мастером подземелий. Когда они играли в покер – а это Макс научил их правилам! – он обычно побеждал. И хотя ребята делали вид, что осуждали его пристрастие к электронным сигаретам, эта привычка добавляла Максиму репутационных очков, которыми его друзья не обладали.

Если бы он начал играть в Колду вместе с остальными, ему, возможно, удалось бы удержать свое превосходство или по крайней мере не скатиться так низко. Но когда Макс вернулся из лагеря, его друзья уже могли похвастаться шестью неделями опыта, и Макс, у которого плохо получалось играть в компьютерные игры из-за ужасной зрительно-мотор-

⁴ Dungeons and Dragons («Подземелья и драконы») – настольная ролевая игра в жанре фэнтези.

ной координации, так никогда их не догнал. Он был слабым звеном любой команды, а его соотношение убийств к смертям сильно отставало от статистики его друзей.

Ситуация была раздражающей, но терпимой ровно до того момента, как начался учебный год и Энди втянул в происходящее Грейсона Оливера. Грейсон был вечно орущим идиотом в футбольной команде, настолько мерзким в общении, что подружиться с ним смог всего один человек во всем классе – большой и тупой Джордан Станкович. Джордан и Макс жили по соседству большую часть своих жизней, и, если не считать обмена покером в первом классе, Макс старался его избегать. Джордан был скучным. У остывшего картофельного пюре было больше харизмы, и поэтому Джордан отирался вокруг Грейсона.

Зависать с приятелями не было никаких причин. Но во вторую неделю учебы Энди разговорился с Грейсоном на тему Колды и пригласил его на ежевечерний матч, совершенно не посоветовавшись с Максом или кем-то еще из группы. С собой Грейсон привел Джордана.

Джордан играл ужасно. Но все же чуть менее ужасно, чем Макс.

Ситуация стремительно ухудшалась с каждым днем, пока не достигла своей кульминации в тот роковой день в очереди за пиццей. Ребята разговаривали о Колде, дразнили друг друга, а потом Джордан грубо оскорбил Максимова достоинство. Макс парировал так ловко и язвительно, что разъярен-

ный, но словесно некомпетентный Джордан не придумал ничего лучше, как врезать ему кулаком в висок.

Удивились все, включая посетителей пиццерии. Физическое насилие среди мальчишек было редкостью, и Макс, скрывшийся с места происшествия, чтобы никто не увидел слезы у него на глазах, ожидал, что друзья за него заступятся и выгонят Джордана из группы в знак солидарности.

Произошло же почти обратное. Дэннис, Энди и Бен согласились, что Джордан поступил совсем не клево. А потом обернули инцидент в покрывало смущенного молчания (все, кроме Грейсона: он рассказал всей футбольной команде) и продолжали играть с нападавшим, совершенно не считаясь с чувствами жертвы. Через пару дней они как будто обо всем забыли.

Но Макс не забыл. Инцидент преследовал его во сне и наяву. Его беспокоила не столько психологическая травма, сколько новоприобретенная неясность в иерархии школьного класса. До судьбоносного удара в голову Макс, по его собственному мнению, располагался в нижней части верхних пятидесяти процентов – не такой крутой, как Майк Сантьяго или Джек Меткалф, но выше статусом, чем Дэннис, Энди или Бэн, и уж точно более клевый, чем Джордан и Грейсон.

К тому же Макс начал учебный год в, мягко говоря, приподнятом настроении. Поездка в летний лагерь в Мэйне обернулась абсолютным успехом. Макс не только стал де-факто лидером дома номер шесть и сценаристом, режиссером

и исполнителем главной роли в короткометражном фильме «Атака москитов-убийц», на показе которого зрители заливались смехом, он еще и неожиданно замутил с Анной Шварцман, девчонкой на год старше его. Таких, как она, Макс раньше считал недостижимыми.

Переступая в сентябре порог школы, Макс был в такой эйфории, что даже раздумывал подкатить к Кейли Адамс. Он запал на нее еще в седьмом классе, а она была совершенно другого поля ягодой. Красивая и всеми любимая Кейли могла позволить себе флиртовать с верхними девятнадцатью процентами учеников. Но эмоциональный подъем от режиссерского дебюта и летнего мини-романа сделал из Макса оптимиста и открыл перед ним дорогу к творческому успеху, который мог компенсировать отсутствие у него атлетических способностей.

Пирсинг в носу и лиловые пряди волос давали основание думать, что Кейли была достаточно творческой натурой, чтобы такое могло ее прельстить. Максиму оставалось придумать, как закрепить свой кинематографический успех в контексте школы. Но кулак Джордана разбил все его мечты.

Если характер героя раскрывается через действие, как вбил Максиму в голову его лагерный учитель, то те несколько секунд в пиццерии изменили всю его жизнь. Макс показал всем вокруг, что, столкнувшись с физической атакой, не будет защищать себя, а позорно сбежит. То, что в жертву его превратил низкостатусный клоун Джордан, только ухудшало

ситуацию.

И неважно, что Кейли, скорее всего, даже не слышала о произошедшем или что болтун Грейсон прекратил дразнить Макса через пару дней. Макс понял, что является трусом, и этот факт настолько пошатнул его самооценку, что ему казалось, будто единственным способом вернуть себе духовное и социальное здоровье было надрать Джордану задницу.

Изучение Ютуба выявило лучший способ уничтожения более крупного противника: удар ребром ладони по нервным окончаниям у основания шеи, если его правильно воспроизвести (*полный поворот бедер, вес двигается вперед, плечи горизонтально*), буквально поставит Джордана на колени. Оставалось понять, как спровоцировать вторую драку. Макс не мог ударить без предупреждения – ютуберы в один голос утверждали, что так поступают только задиры и хулиганы. Так что первый удар, пускай даже словесный, должен был нанести Джордан. Легче сказать, чем сделать, особенно если учесть, что Джордан предпочитал Макса не замечать. Чтобы разборки состоялись, нужен был творческий подход.

Если и было у Макса качество, в которое он все еще верил, так это хорошее воображение. Отколовшись от Дэнниса и Энди, Макс направил велосипед через толпу, представил перед собой своего противника и принялся придумывать всевозможные реплики.

Йоу, Джордан! У нас с тобой незавершенные дела.

Так, Джордан. Я заметил, что ты до сих пор не извинил-

ся передо мной.

Эй, Джордан! Помнишь наш разговор в пиццерии пару недель назад? Пришла пора его закончить.

Ничего из этого не казалось подходящим. Но со временем он что-нибудь придумает. Макс оставил велосипед на стоянке и влился в толпу ребят, спешащих в школу.

Было восемь часов двадцать семь минут.

Джен

С тех пор как Хлоя захлопнула за собой дверь, в доме было тихо. Джен сидела, согнувшись над кухонным столом и обнимая себя руками. Невидящий взгляд уставился в черный экран ноутбука.

Рано или поздно ей придется его включить, открыть Гугл Док и разобраться, что такого она написала прошлой ночью, что так разозлило ее дочь.

Смутно Джен помнила, как прочитала сочинение Хлои и закатила глаза. Но почему она села его читать? Вроде бы она заходила в Интернет только для того, чтобы посмотреть свитера в «Эверлейн».

Наверно, она заметила уведомление от Гугл Док и перешла по нему. А потом, по всей видимости, оставила парочку комментариев.

Не может быть, что все так плохо! Я, конечно, выпила, но смогла же отговорить себя от покупки свитеров.

Или нет? Я что, купила вчера свитера?

Боже, голова болит.

Джен провела пальцем по тачпаду, чтобы загорелся экран, и проверила входящие, убеждаясь в отсутствии чеков на покупку. Потом она встала, прошлепала к раковине, включила кран и оставила воду литься, пока ходила за стаканом. Неполнив его до краев, Джен выпила почти всю жидкость и

вдруг резко остановилась – желудок пригрозил вывернуться наизнанку.

Надо это прекращать.

Она наполнила стакан наполовину и снова села за стол к ноутбуку.

На рабочем столе у нее стояла фотография, сделанная во время поездки в Нантакет в конце лета. Четверо Альтманов, устроившись на пирсе, улыбаются. Огромные солнечные очки, которые Макс наотрез отказывался снимать, выглядели глуповато, но вот его улыбка, на других семейных фото казавшаяся вымученной, здесь сияла искренностью. Джен не в первый раз задумалась, можно ли использовать эту фотографию на рождественских открытках.

Потом Джен перевела взгляд на Хлою и вспомнила, чем занималась.

Черт!

Насколько все плохо?

Джен открыла браузер, несколько секунд смотрела на вкладку Гугл Докс, а потом струсила и щелкнула на «Нью-Йорк Таймс». Рассеяно полистала главную страницу и только на четвертом заголовке поняла, что уже читала все эти статьи.

Тогда она открыла прогноз погоды. Следующие несколько дней около пятнадцати градусов и солнечно, в четверг – ливни. Остатки урагана, перемещающегося с залива.

Просто возьми и посмотри.

Джен открыла Гугл Докс и выбрала «Доп. эссе в Дартмут 3» вверху списка.

На полях было всего два комментария. Первый – от Джен, написанный в понедельник вечером, в одиннадцать часов четырнадцать минут:

НЕЕЕЕЕЕТ НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ «Я ПРИНЯЛА ПОРАЖЕНИЕ» твой бренд ПОЭТ ВОИН ты звучишь как лузер если не можешь сделать из этого победу выкинь все и напиши как раньше у тебя было плохо с математикой

Ниже был сегодняшней ответ от Хлои, в семь часов двадцать семь минут:

И я тоже тебя люблю мам

Черт!

О чем я вообще думала?

Ну, она правда звучала как лузер.

Но е-мое, не надо это ПИСАТЬ.

Какое-то время Джен смотрела на комментарии. Она пыталась изменить свою оценку ситуации.

Все не так плохо. Хлоя слишком остро отреагировала.

Но тупая боль в животе утверждала обратное. Эмоциональное похмелье усиливало похмелье физическое.

Нужно прилечь.

Нужно принять душ.

Нужно выпить.

(три срока подряд), не была человеком, который хлещет водку утром в рабочий день, не помывшись и не переодев пижаму.

И все-таки именно это и происходило.

Когда это закончится?

Сегодня?

Это конец? Я все?

Это первый день моей оставшейся жизни?

Ответ был «да». Но не в том смысле, что Джен думала.

Было восемь часов сорок четыре минуты.

Дэн

Пятьдесят минут, что Дэн провел за разглядыванием своих записей, были непродуктивными. Он придумал лишь две более-менее адекватные идеи.

Убит знаменитый кулинарный шеф – Варгасу нравятся итальянские клецки?

Скульптора пронзили собственной скульптурой ИЛИ скульптор сам убийца? – убийство как перформанс?

Вряд ли они сработают. Первая никуда не вела сюжетно, а вторую Марти отвергнет по причине чрезмерной заумности. Наверно, скажет, что Дэн нюхает собственный пердеж. Его любимая дразнилка с тех пор, как они поссорились.

Еще стал называть Дэна «мальчиком из Принстона». Что особенно раздражало, ведь, когда они познакомились на первом курсе, Марти жил в том же общежитии, что и Дэн, а цепочку событий, которая привела Дэна в «Город пуль», запустила их встреча на двадцать пятой годовщине их выпуска.

Чертов Марти...

Нужно предложить ему идеи получше.

Спеша к станции в Верхнем Линкольнвуде, Дэн успокаивал свою тревогу мыслью, что сорок минут езды до Манхэттена он проведет за игрой «Жертва или преступник?». Это упражнение помогало ему генерировать идеи. Дэн представ-

лял людей в поезде в качестве персонажей «Города пуль», и за прошедшие годы это помогло ему огромное количество раз. В одном только третьем сезоне погибла почти дюжина пассажиров линии Линкольнвуд – Берген. Большинство из них были убиты другими пассажирами.

Дэн пробежал по Форест-стрит и пересек пути, чтобы выйти к своей платформе. В это же время пешком с Маунт-эн-авеню, где находилось его семейное поместье, на платформу пришел Пит Блэквелл.

– Привет! – поздоровался, улыбаясь, Дэн. – Ты сегодня поздно.

В классификации пассажиров Линкольнвуда Пит был «семь восемнадцать», а не «восемь пятьдесят две».

Пит закатил темные глаза куда-то к генетически благословленной линии волос.

– У Тэсс душ засорился, я имел редкое удовольствие провести утро, прочищая трубы.

Это было очень похоже на Пита, единственного приятного основателя хедж-фондов, которого Дэн встречал. Ходили слухи, что чистая стоимость его активов составляла миллиарды. А еще Пит обладал лицом и фигурой модели и домом из Национального реестра исторических мест. При этом он излучал такое непритязательное очарование, что никто в Линкольнвуде не мог его ненавидеть... или, по крайней мере, высказывать ненависть вслух.

Все семейство Блэквеллов было таким. Тэсс, старшая из

трех дочерей, была ровесницей Хлои, поэтому Джен много раз делила родительские обязанности с Мэг Блэквелл, которая, в отличие от мужа, действительно раньше работала моделью, а потом получила степень магистра в области общественного здравоохранения в Университете Джонса Хопкинса и стала соучредительницей благотворительной организации, распространяющей в Африке противомоскитные сетки.

Возвращаясь как-то после вечера в огромной, но все равно уютной гостиной у Мэг, где они собирали подарочные корзины для преподавателей начальной школы, Джен заявила:

– Самое ужасное в Блэквеллах то, что в них нет ничего ужасного.

Хотя у светло-медовой гривы Тэсс Блэквелл, получается, были свои минусы – когда дело касалось Национального реестра исторических водопроводов.

– Много волос достал? – спросил Дэн с сочувствием.

– Очень много. Можно шубу связать. Кстати, спасибо за приглашение на день рождения! Очень жду.

– Ты придешь? Отлично! В этот раз будет небольшое празднование. Пятьдесят один все-таки не круглая дата.

Когда Дэну исполнилось пятьдесят, он устроил себе коктейльную вечеринку. Это было так весело, что в этом году он решил повторить.

– Друг мой, после пятидесяти все даты круглые.

К платформе подъехал поезд, так что Питу пришлось по-

высить голос, чтобы перекричать скрип тормозов.

– Наверно, ты прав, – согласился Дэн, направляясь к ближайшей двери. – Это просто повод собрать всех вместе. Никаких подарков в этот раз! Хотя мне очень нравится ручка.

Мужчины зашли в поезд.

– Мы тебе совершенно ничего не подарим, обещаю, – засмеялся Пит, хлопая приятеля по спине.

Дэн сомневался в правдивости его слов. Мэг Блэквелл была таким человеком, который, получив инструкцию приходиться без подарка, заявится с идеально подобранным презентом, купленным по почти сумасбродной цене.

Пит прошел в конец вагона к своему месту, а Дэн сел у окна, наслаждаясь послевкусием разговора. Один из плюсов его новой карьеры состоял в том, что Дэн стал интересен таким людям, как Пит и Мэг. Четыре года назад Дэн и представить себе не мог, что Блэквеллы согласятся прийти на вечеринку в его дом. Они бы моментально отказались, ссылаясь на какую-нибудь уважительную причину. Но в последнее время на родительских собраниях Пит первый завязывал разговор. Внимание человека, такого богатого, что он не летал на коммерческих самолетах, и такого красивого, что он мог бы стать басистом в Duran Duran, было приятным и жизнеутверждающим, как бы глупо это ни звучало.

Дэн достал свой молескин, положил его и сумку на колени, вставил в уши наушники, включил «Let It Bleed» погромче для атмосферы, снял колпачок с подарка Мэг Блэквелл

и огляделся по сторонам в поисках подходящего кандидата для «жертвы или преступника».

Пара пенсионеров вместе читают «Нью-Йорк Таймс».

Муж убивает жену? Наоборот?

Заезжено до смерти. Извините за каламбур.

Поезд тронулся. «Gimme Shelter» создавала образы апокалипсиса, а Дэн перешел к следующему кандидату – модному миллениалу в бизнес-кэжуал прикиде и фиолетовой кепке.

Убийства в отрасли маркетинга?

Нет. Слишком стильно.

Женщина с мальчиком в хогвартской шляпе.

Мама убивает ребенка? Э, нет. Слишком мрачно.

Ребенок убивает маму? Он злой гений?

Звучит неплохо.

Но тогда Варгасу придется убить ребенка.

Так что нет.

Дэн снова огляделся. Других подходящих кандидатов не было. Придется ждать пассажиров со следующей станции.

Дэн снял очки, вытащил полу футболки из-под свитера и протер ей линзы. Затем вернул очки на нос и взялся за идеи, которые записал за завтраком в «Барнабис», надеясь добавить им глубины.

Что, если знаменитый кулинарный шеф – преступник, а не жертва? И отравил кого-нибудь?

Кого бы он отравил? Кандидата в президенты? Слишком

масштабно.

Кандидата в мэры? С программой по маркировке пищевых продуктов? Количества калорий?

Людям наплевать на маркировку.

Поезд остановился на станции Линкольн-авеню. Дэн достал телефон и посмотрел на время.

Восемь пятьдесят девять.

В вагон зашли несколько десятков людей. В наушниках «Love in Vain» сменилась на «Country Honk». Плохой трек для поиска зла в сердцах пассажиров, так что Дэн переключился на мрачные аккорды первого альбома Black Sabbath.

Рядом с Дэном села славянского вида девушка в пуховике и очках, как у Джона Леннона. Она напомнила Дэну библиотекаря.

Библиотекарь убивает писателя?

Нет. Слишком похоже на Мизери.

Наоборот, убивают библиотекаря?

Но кто?

Человек, который прочитал книгу об убийстве библиотекаря.

Это стоило записать.

Стремный посетитель убивает библиотекаря – повторяет убийство, о котором прочитал в детективном романе?

Дэн украдкой взглянул на девушку. Она достала телефон и играла во что-то похожее на Кэнди Краш.

Не читает в транспорте.

Не библиотекарь.

Секретарь?

Или, может быть, некомпетентный библиотекарь?

Кто играет в Кэнди Краш вместо чтения книг?

Библиотекарь не читает книги – стремный посетитель возмущен?

Детали могли измениться в будущем, но кости уже обрости плоть. Дэн продолжал поглядывать на соседку. Она с лазерной точностью сфокусировалась на экране, рот открыт, глаза бегают туда-сюда.

Милая, простодушная, нет друзей – одинокая?

Дэн огляделся в поисках второстепенных персонажей для сюжета. Через два ряда сидел, уставившись в ноутбук, поленький азиат лет двадцати в накладных наушниках.

Варгас достаёт список других посетителей библиотеки, читавших эту же книгу.

Программист попадает под описание серийного убийцы, но оказывается невиновен?

Отлично. Дэн начертил на странице пять горизонтальных полос – они обозначали акты, – а потом задумался, как их назвать.

Преступ: отравление? / В. находит книгу / программист – тупик? /? / суд / В. убивает с завязкой на сиквел?

Девять ноль восемь. Поезд прибыл на Ньюарк-Брод-стрит.

Двадцать человек вышли из вагона, сорок вошли. Библиотекарше пришлось придвинуться поближе к Дэну, чтобы освободить место бородатому хипстеру с рюкзаком с Капитаном Америкой и значком на кармане куртки с надписью «СИЛЬНАЯ ПРОТАГОНИСТКА»⁵.

Дэн выпрямился и, оставив место под идеей о библиотекарше, крупно написал:

УБИЙСТВО НА КОМИК-КОНЕ

Гениально!

Кинематографичный сеттинг, очень весело. Несколько молодежно для аудитории сериала, но это не страшно, если быть к Комик-кону слегка снисходительным, чтобы зрители почувствовали собственное превосходство над гиками.

косплеер-рыцарь убивает настоящим мечом
(ниндзя? Жнец с косой? Тор с молотом?)

монтаж: Варгас допрашивает косплееров-
супергероев один предлагает помочь в расследовании
(Я супергерой!)

Дэн поднял взгляд. «Жертва или преступник?» снова оказалась ему неопределимой. Идея была настолько крутой, что он едва сдерживался, чтобы не начать отбивать в воздухе ритм в такт песни Sabbath, играющей в наушниках.

⁵ Strong Female Protagonist – онлайн-комикс об экс-супер героине.

Спасибо, Господи, за поезда Нью-Джерси.

Дэн, заметив в окне свое отражение, испытал обычную реакцию (*когда я успел превратиться в пухлого мужчину средних лет?*), но был так доволен своим творческим прорывом, что смог, по крайней мере на минутку, принять свой физический облик с сочувствием, а не ругать себя за то, что не ест салаты и не бегают по утрам.

За окном пролетали небоскребы Ньюарка, быстро исчезающие из виду, когда поезд въехал на ничейные земли Джерси-Сити. Дэн отпустил мысли в свободный полет и наблюдал, как за окном проносились то строительное оборудование, то высокие кусты и, наконец, водные просторы реки Хакенсак, разрезанные пополам двадцатитрехметровым виадуком, по которому проходила магистраль Нью-Джерси.

Дэн повернул голову, любуясь огромным, но стройным сооружением.

Большой виадук... Может, в начале эпизода кого-то сталкивают вниз? Тогда Варгасу придется работать с копом из Джерси, который...

Музыка в наушниках остановилась.

В то же мгновение в вагоне погас свет.

Сошло на нет жужжание вентиляторов, а ровный стук колес стал замедляться. Пейзаж за окном медленно прекращал движение.

Вагон накрыла тревожная тишина.

Библиотекарша раздраженно фыркнула. Дэн взглянул на

нее. Она пыталась вернуть к жизни погасший экран телефона.

– Что за черт?! – воскликнула женщина где-то сзади.

Дэн достал свой айфон, чтобы проверить время и снова включить музыку.

Экран был черным. Дэн тыкнул по нему пальцем – ничего не произошло.

Тревожная тишина наполнилась бормотанием, кряхтением – пассажиры были в замешательстве. Дэн продолжал тыкать в экран.

Ничего не происходило.

Ну, давай же!

Прижав палец к кнопке включения, чтобы перезагрузить телефон, Дэн посмотрел на азиата-программиста. Тот пялился в ноутбук, гневно стуча по клавишам, но техника явно не реагировала.

В конце вагона крикнули:

– У кого-нибудь телефон работает?

Кажется, нет.

Дэн несколько раз зажимал кнопку включения, но белое яблоко на экране не появлялось.

– Что вообще происходит? – воскликнул кто-то.

Дэн нахмурился.

Надеюсь, ничего серьезного. Мне нужно быть на работе.

Дэн повернулся, разглядывая остальных недовольных пассажиров, и услышал далекий свист, идущий с юго-восто-

ка.

Всего за несколько секунд он стал громче и тоньше, пока не превратился в визг нацистского бомбардировщика из какого-нибудь документального фильма про Вторую мировую.

А потом в начале вагона раздался полный ужаса женский крик:

– БОЖЕ МОЙ!

К нему присоединились другие голоса, которые тут же поглотил рев взрыва, такой оглушительный, что у Дэна задрожали руки и ноги.

Двести человек в вагоне одновременно ахнули.

А потом все побежали.

Джен

Сидя на ступеньках рядом с полупустой бутылкой водки – ее воображаемым другом, компаньоном и безжалостным начальником, – Джен размышляла, как она дошла до жизни такой.

Это долгая история. Но и времени у нее было много. Никаких дел – только съездить в магазин, разобраться с банком, понять, как исцелить боль, причиненную вечно раздраженной дочери, и изменить траекторию жизни.

Джен сделала неправильный выбор. Или несколько. Но пускай она и считала себя ужасным, безнадежно пропадающим человеком, Джен не была злодеем.

Удивительно, но алкоголь тоже им не был.

Настоящим злодеем была чертова Эрин Тирнан.

Справедливости ради надо сказать, что Джен выпивала задолго до встречи с Эрин. Как и с остальными ее хобби – теннисом, учебой и спорами о политике, – с этим делом у Джен все хорошо сложилось. И если не считать нескольких неприятных случайных связей в молодости и тот случай в Напе, когда она пьяной села за руль, алкоголь не был проблемой. К тысяче девятьсот девяносто девятому году, когда они с Дэном поженились, Джен выпивала только по вечерам в выходные, да и то рюмки три или, может, пять.

Потом, летом две тысячи первого, Джен забеременела

Хлоей и целых девять месяцев не пила ничего. Настоящее достижение, особенно с учетом того, что в это же время произошла самая крупная трагедия в ее жизни.

На одиннадцатой неделе беременности и двадцать второй минуте ее рабочего дня на двадцать шестом этаже Всемирного торгового центра в Северную башню врезался самолет. От шока и замешательства Джен выбралась оттуда не так быстро, как могла бы. Когда она наконец добралась до их с Дэном двухкомнатной квартиры в районе Флэтайрон, волосы ее были покрыты пеплом, а в голове мелькали картинки, которые будут мешать ее сну следующие несколько месяцев.

Но посттравматический стресс меркнул перед мыслью о том, что токсины могут сотворить с ее ребенком. Через неделю после атаки, когда воздух в их районе – в трех километрах от торгового центра – погустел от химической вони, так что жители даже окна не могли открыть, «Америкэн Экспресс» переместил отдел Джен во временные офисы на Уолл-стрит, всего в паре кварталов от еще горящих обломков. И отдел кадров, и федеральное правительство клялись, что воздух был безвреден, в то время как «Голдман Сакс», расположенный на той же улице, велел беременным сотрудницам оставаться дома.

А в октябре всех напугали спорами сибирской язвы, что стало просто вишенкой на торте.

Несмотря на все это, Джен не притрагивалась к выпивке. Хлоя родилась в апреле две тысячи второго, и Альтманы ре-

шили купить дом в Линкольнвуде. В июле у Джен закончился декретный отпуск, но в «Америкэн Экспресс» она не вернулась. Ее план растить детей в городе, совмещая материнство и работу, больше ей не подходил. Дэн согласился с решением жены стать домохозяйкой, и отчасти потому, что так его не мучила совесть за долгие рабочие дни в «Уилмер Хэйл». Доктор Розенцвайг, психиатр Джен, тоже одобрила этот выбор.

– Я когда спрашиваю себя, – объясняла Джен совоподобной женщине, так похожей на беспристрастную версию ее матери, – что важнее – быть с дочерью или увеличить количество владельцев платиновых карточек на три процента? Ответ очевиден.

– Вы принимаете правильное решение, – сказала доктор Розенцвайг.

– Я тоже так думаю, – согласилась Джен.

Только спустя десять лет она поняла, как ошибалась. Но все минусы материнства – мозг, превратившийся в пюре, потеря одобрения со стороны коллег и отсутствие контакта с человеческим существом, которое могло разговаривать полными предложениями и не писало в подгузник, – давили на Джен так сильно, что к две тысячи пятому году, когда Альтманы, уже с маленьким Максом, переехали в дом на Брэнтли-серкл, Джен считала бокал вина перед ужином чем-то обязательным.

В огромном новом доме по соседству, с четырехлетней

Элайзой, восемнадцатимесячным Генри и вечно отсутствующим инвестором Джоном, жила Эрин Тирнан.

Женщины идеально подходили друг другу. Хлоя и Элайза, рожденные с разницей в пару месяцев, моментально подружились. Макс и Генри тоже полюбили играть вместе. Или скорее играть параллельно друг другу, ведь они были слишком маленькими и слишком... мальчиками, чтобы подружиться так, как это принято у девчонок. Но обстоятельства заставляли их проводить время вместе, ведь их матери сблизились, словно сестры.

Эрин поразила Джен с первого взгляда. Она была веселая, невероятно умная и даже играла в теннис на одном уровне с Джен, хотя сыграть матч у них получалось лишь в редкие выходные, когда удавалось спихнуть детей на уставших мужей. Эрин недавно бросила работу в области развлекательной журналистики, но от бывшей профессии у нее остались неиссякаемый запас звездных сплетен и язвительное презрение к мамашкам-наседкам, которые бросались на каждого, кто кормил своих детей неорганической едой или включал в машине что-нибудь, кроме Моцарта.

А именно к такому идеалу и стремились мамочки на ухоженных детских площадках Линкольнвуда: серьезность, чрезмерная опека, осуждение всего и вся и ярое пренебрежение к любой другой женской цели, кроме материнства. Джен находила эту атмосферу настолько угнетающей, что в какой-то момент в ней проснулось подростковое желание

идти наперекор. А Эрин не только разделяла это желание – она реализовывала его на практике. И не просто составляла Джен компанию в высмеивании мамаш-ханжей, вроде Стефани Андерсен и Лизы Коэн. Она научила Джен, как показать этой системе ценностей большой, жирный средний палец.

Все началось с так называемой спиртной среды, причем вполне невинно. Подруги, возвращаясь с детьми после занятий плаванием в общественном центре, обычно выпивали стаканчик-другой. Это было не раньше четырех вечера – рановато, но не вопиюще рано – и позволяло им отдохнуть после разглагольствований Стефани и Лизы в раздевалке о том, как они сами готовят органическое детское питание.

– Не стоит ли подождать до пяти? – спросила Джен в самую первую спиртную среду.

Эрин пожала плечами, наполняя бокал:

– В Новой Шотландии сейчас пять.

Джен не стала спорить. Это был неопровержимый факт.

Когда подруги узаконили спиртные среды, Эрин предложила следующую идею для контркультурного отдыха – праздные пятницы. Их было сложнее оправдать, потому что они начинались в обед и включали в себя коктейли «Маргарита».

– Мне немного некомфортно пить днем, если это не во время футбола, – призналась Джен.

Эрин удивилась:

– Это что-то мичиганское?

– Ты делала так в колледже?

– Только раз, когда Йель играл, – ответила Эрин. А потом выдвинула свой университетский аргумент: – Это табу – не пить днем – такая пуританская фигня, что даже пуритане на нее не велись. Ты знала, что первые сто лет в Гарварде студентам на завтрак давали пиво?

– Seriously?

– Да! И такое было не только для студентов. Пиво на завтрак считалось совершенно нормальным. Отцы-основатели постоянно ходили пьяненькие. И при этом устроили революцию! И написали две конституции! А что у тебя запланировано на сегодня? Сменить подгузник и прочитать сказку вслух шесть раз подряд?

– Ладно, убедила, – согласилась Джен. – Но только одну.

В итоге в ту первую пятницу она выпила три «Маргариты». И не без тревоги.

– Стой! – воскликнула Джен, закрывая ладонью стакан, чтобы Эрин не могла налить вторую порцию. Потом показала на детей, которые играли в прятки на заднем дворе: – Что, если они разобьют голову и нам придется ехать в травмпункт?

– Я спокойно поведу, – пообещала Эрин. – И до госпиталя легко доехать. Всегда направо.

– Звучит так себе.

Эрин закатила глаза:

– Во-первых, никто не разобьет голову: девочки слишком осторожные, а мальчики слишком боязливые. Во-вторых, даже если разобьет, я три года была вожатой и смогу оказать первую помощь до приезда таксиста Бориса из Линкольнвуда.

– Получается, таксист Борис из Линкольнвуда – наш трезвый водитель?

– Получается так.

– Тут правда живет Борис? Ты его знаешь?

– Нет. Это просто образ. Но тут действительно есть служба такси, и водители быстро приезжают. В прошлый выходной я так ехала из загородного клуба.

Борис быстро превратился в кодовое слово («А Борис уже работает?», «Пора звонить Борису», «Не дай мне забориться – у меня встреча ТСЖ в шесть»), а праздные пятницы – в еженедельный ритуал наравне со спиртными средствами. Которые стали распространяться на остальные дни недели.

– Как-то плохо, что мы это делаем, – заметила Джен в один солнечный вторник.

Подруги сидели на детской площадке в Мемориальном парке и попивали шардоне из кружек-непроливаек.

– Неправда, – отрезала Эрин. – Мы поступаем очень разумно.

– Тебе не кажется, что мы слишком много пьем?

– Пока не пьем каждый день, все в порядке.

Джен на секунду задумалась.

– Но я *пью* каждый день.

– Вино за ужином не считается. Спроси французов. Самые здоровые люди на земле.

Однако Эрин не смогла уговорить Джен – у той были свои границы. Несмотря на сильную пиар-кампанию, она отказалась от кровавых понедельников («Кровавые Мэри», пока дети спали после обеда).

– Можешь без меня, я не обижусь, – предложила Джен.

Эрин фыркнула:

– Я не буду пить в одиночестве! Это алкоголизм.

Не считая периодических вспышек самоконтроля, их тайное общество полупьяных домохозяек просуществовало добрых три года. И существовало бы дальше, если бы не финансовый кризис в две тысячи восьмом. Компания «Леман Бразерс» обанкротилась, и Джон Тирнан потерял работу. Мужчина, который раньше появлялся дома реже, чем Дэн, теперь каждый день грустно скитался по своему жилищу, и постоянные вечеринки на огромной кухне у Тирнанов резко прекратились.

Пьянство не прекратилось, но проходило теперь в комнате отдыха в подвале у Альтманов – вместе с сеансами супружеско-финансовой терапии для помрачневшей Эрин. Ее обычное по-хулигански веселое настроение испортилось так сильно, что перемену заметила даже Хлоя, которая стала спрашивать: «Почему мама Элайзы постоянно злая?» Потом Джон устроился на новую работу в Сан-Франциско, и в на-

чале лета две тысячи девятого Тирнаны переехали. Джен испытала и печаль, и облегчение.

Расстояние сделало свое дело. Эрин, конечно, разрушила табу о распитии спиртного днем, но оставила табу о распитии спиртного в одиночестве – его Джен никогда не решалась нарушить. Не считая бокала вина перед ужином, конечно. На место ее собутыльницы в соседний дом приехала милая, но слишком глупенькая для нормального общения Кайла Станкович, и Джен стала пить гораздо меньше. За год она сбросила пять килограммов, стала заниматься спортом три раза в неделю, установила нормальные отношения с Лизой Коэн, чьи взгляды на воспитание детей теперь казались довольно разумными, и периодически размышляла, о чем она думала прошлые три года. С Эрин они продолжали дружить в Фейсбуке, но саркастичные комментарии той о республиканцах и чопорных соседях в онлайне воспринимались совсем не так, как в реальности. В какой-то момент Джен перестала ставить лайки, и алгоритм Фейсбука сделал остальное: медленно, но верно убрал Эрин из ленты и, соответственно, из жизни Джен.

Когда Макс пошел в первый класс и к Джен вернулась автономия (по крайней мере, на большую часть суток), ее уже не тянуло выпивать днем. Она часто просыпалась с похмельем после званых ужинов по выходным, но ничего страшного в этом не видела.

Когда Макс пошел во второй класс, Джен решила, что на-

стала пора вернуться к работе, и вот здесь все пошло под откос. Она всегда считала себя талантливым сотрудником, и в молодости почти все ее коллеги были с этим согласны. Путь от бизнес-консалтинга до бизнес-школы и средних ступеней сферы потребительского маркетинга в «Америкэн Экспресс» Джен прошла почти без препятствий. Но отпуск длинной в десять лет пагубно сказался на ее карьере.

Дело было даже не в изменившемся взгляде на баланс работы и жизни и не в том, что профессиональные связи Джен измельчали настолько, что ей с огромным трудом удавалось найти контакты людей, которых она раньше считала хорошими коллегами. За десять лет ее отсутствия мир бизнеса изменился так кардинально, что, когда Джен попыталась вернуться, она быстро поняла, что не обладает необходимыми важными навыками. Более того, она даже не знала, какими навыками должна была обладать.

Джен пришлось гуглить «SEO», чтобы разобраться, что значат эти буквы.

У нее не было странички на Линкед-Ине. Оказалось, это очень постыдный факт.

Что за черт?! Почему мне никто не сказал?

Впервые со старших классов Джен чувствовала себя некомпетентной. Работу она искала восемнадцать месяцев, и та оказалась ужасной. Джен занималась маркетингом в среднего размера финансовой фирме, которой управляла стай-

ка молодых бездарей. Они превратили жизнь Джен в настоящий кошмар. До такой степени, что меньше чем через год Дэн, до этого яро агитировавший Джен поискать работу, умолял ее уволиться, не только ради сохранения рассудка, но и чтобы дети и он сам не оказывались больше невинными жертвами ее раздражения.

Джен отказалась, ссылаясь на то, что, если она сбежит, не найдя перед этим другую работу, ее карьера сильно пострадает.

А потом молодые бездари ее сократили, что на бумаге выглядело не так уж и плохо, но по самолюбию Джен ударило изрядно. Никакое количество вина за ужином не могло повысить ее самооценку. А вот водка с этой задачей справилась.

Джен обнаружила это почти случайно. После сокращения она стала брать короткие консалтинговые проекты от бывших коллег. Позднее ее нанял Рик Бизли. На пару лет младше Джен, он был ее подчиненным последние два года в «Америкэн Экспресс». Они всегда хорошо ладили, но Джен никогда не думала о Рике как о равном, в основном потому, что он был туп как пробка.

И тем не менее, пока Джен впустую потратила десять лет, Рик полз вверх по карьерной лестнице, несмотря ни на что. Когда Джен снова с ним связалась, он был старшим вице-президентом стартапа на поздней стадии и нанял ее на еженедельной основе делать презентации для продажников

перед выпуском мелких продуктов.

С первой встречи стало ясно, что Рик теперь считает себя выше Джен во всех аспектах.

Джен решила, что переживет такое отношение. У нее за спиной был немалый опыт в почесывании хрупких мужских эго. Но что бы Рик ни говорил, он постоянно умудрялся продемонстрировать Джен свое превосходство, а его комментарии были одновременно и высокомерными, и взаимоисключающими.

«Смотри, как это делают у нас... и шевелиться тут нужно больше, чем ты, наверно, привыкла...»

«Нам не нужны красивые картинки. Нам нужны точные цифры».

«На это скучно смотреть! Визуализируй эти цифры! Расскажи нам историю, Дженни!»

Никто не называл ее Дженни с начальной школы. Когда она сказала об этом Рику, он засмеялся. И продолжил так делать.

Уходя с четвертой встречи, которая длилась на полчаса дольше, потому что Рик опоздал на сорок минут, Джен едва сдерживала злость. У нее даже задергался глаз. В метро двери закрылись перед самым ее носом. В итоге Джен приехала на Пенсильванский вокзал, на три минуты опоздав на поезд до Линкольнвуда.

До следующего оставался почти час. Поднимаясь из метро в подземный переход, Джен представляла, как избивает

прохожих, настолько ее поглотила бессильная ярость.

А потом она увидела «Трэкс», подземный бар. Тесный, темный, что прекрасно соответствовало ее настроению. За сорок минут Джен выпила три «Гимлета» с водкой. Эффект оказался волшебным. Садясь на поезд до Нью-Джерси, Джен поняла, что все у нее хорошо.

Вести машину от станции до дома было, конечно, слегка проблематично. Добравшись до гаража, Джен почти протанцевала внутрь.

Она обнаружила магическое лекарство. Водка могла нейтрализовать любую негативную эмоцию: раздражение, обиду, чувство неуверенности и несостоятельности. Даже ненависть к себе за распитие спиртного!

Водка решала любую проблему, включая саму себя.

И для брака это оказалось плюсом. Дэн занялся своим дурацким писательским хобби, но благодаря водке Джен стала к нему терпимее. Потом Дэн безрассудно сменил сотрудничество с «Уилмер Хэйл», где ему платили шестизначную зарплату, на должность мелкого сценариста в тупом и кровавом сериале о копах с окладом в десять раз меньше, но алкоголь создал эмоциональный буфер, благодаря которому Джен не сошла с ума от страха, что ее семья останется без денег. А когда карьера мужа пошла на взлет и стала наполнять его дни радостью, чего сама Джен вряд ли когда-нибудь смогла бы достигнуть, она утопила зависть в бутылке.

Беспокоил ли Джен тот факт, что Дэн, похоже, предпочи-

тал проводить время на работе, а не дома с ней и детьми? Испытывала ли она ревность, когда на встречах с друзьями те постоянно расспрашивали Дэна о его новой гламурной карьере, совершенно забывая спросить, что нового происходило в жизни у нее?

И да, и нет. Зависело от того, сколько она выпила.

А оценить это было сложно. Граница между «недостаточно» и «слишком много» была необычайно расплывчатой. Что еще хуже, она появлялась уже после того, как Джен ее пересекала.

Ей приходилось соблюдать осторожность. Не пить слишком много или слишком часто. Если все-таки получалось не так, как хотелось, важно было замести следы. Джен разработала сложный процесс по добыче алкоголя (не отовариваться в случайных магазинах, не посещать один и тот же слишком часто, чтобы кассиры не заподозрили ее в алкоголизме) и по уничтожению улики. Нельзя выбрасывать бутылку «Абсолюта» в урну в гараже или беспечно складывать пустую тару на заднее сиденье автомобиля. Вдруг кто-то увидит?

Бутылки нужно осторожно заворачивать в пакет и прятать, пока утром рабочего дня не настанет момент выкинуть их в мусорку на задворках одной из трех местных парковок.

Парковка за «Хол Фудс» подходила лучше всего.

Были и другие трудности. Безусловно, Дэн и дети ни за что не должны были ничего узнать или что-то заподозрить. Так что напиваться в стельку было нельзя, а выпивая, нель-

зя было подходить к ним слишком близко, пока бокал вина перед ужином не замаскирует запах.

Спасибо, Боже, за этот бокал. Не столько за алкоголь, сколько за прикрытие.

Само собой разумеется, Джен не могла выходить в свет в нетрезвом состоянии. Максимум слегка выпивши. Если мероприятие касалось детей, особенно если это было родительское собрание, алкоголь исключался совсем.

Садиться за руль в состоянии опьянения тоже запрещалось, кроме как по очень уважительным причинам. Забирать Хлою с тенниса было ужасно неудобно, еще неудобнее – ездить по зимним дорогам. Хорошо, что у Макса не было никаких кружков, так что Джен не приходилось его никуда возить, хотя постоянное присутствие в доме сына создавало логистическую проблему.

Приходилось учитывать рабочие звонки. Созваниваться с работодателем в нетрезвом состоянии было неправильно, но иногда неизбежно.

С самой работой было пятьдесят на пятьдесят. Порой алкоголь оказывал положительный эффект на творческие способности Джен. Не такой сильный, когда дело касалось всяких табличек. Писать имейлы подшофе было занятием рискованным.

В общем, алкоголь делал жизнь Джен очень сложной. Слишком сложной. В конце концов Джен это поняла.

Чего она не могла понять, так это как остановиться.

Ладно, это не совсем правда. Останавливаться было легко. Джен могла не пить неделями. Просто потом не могла не продолжить.

А дни, когда Джен выпивала, стали по-настоящему дерьмовыми. Обычно количество принятого алкоголя было небольшим. Но бывало, что она выходила за рамки разумного, и ей приходилось притворяться больной, оставлять на кухонном столе деньги курьеру, приносившему пиццу, и прятаться в кровати, когда дети возвращались домой. Дэн начал что-то подозревать. Уже не раз Джен совершала ошибку и брала телефонную трубку на бровях, каждый раз выдумывая несуществующую встречу с чокнутой родительницей, чтобы объяснить свою невнятную речь.

Понедельники почему-то проходили хуже всего. В один из них – на третьем году эксперимента под кодовым названием «Жизнь лучше с алкоголем» – Джен разрабатывала маркетинговую воронку для программы обучения в местном общественном центре и обнаружила у себя в руках «Кровавую Мэри». Было десять утра. Разглядывая рекламные материалы, она наткнулась на фотографию бассейна и вспомнила уроки плавания, на которые ходила вместе с Эрин Тирнан.

Боже мой... Я сделала кровавые понедельники реальностью.

Джен решила написать Эрин в Фейсбуке. Они не общались целую вечность, но Эрин лишь посмеется над этим фактом.

Джен вбила имя подруги в поиск, открыла ее страничку и посмотрела посты.

Вау! Большие перемены в жизни Эрин Тирнан. Элайза и Генри так подросли! Генри играл в лакросс. Элайза участвовала в школьном мюзикле и, похоже, присоединилась к тусовке готов. Они еще были в моде? Видимо, да – по крайней мере, в Сан-Франциско.

Эрин и Джон... развелись? Предсказуемо. Но все же... Она встречалась с другим мужчиной. Он выглядел как гик. Что удивительно для Эрин. Но, кажется, вместе им было хорошо.

А потом новый статус: *Сегодня пять лет.*

Что это значило? Пять лет чего? Прошло после развода?

У статуса было больше сотни лайков. Джен поглядела на комментарии.

«Поздравляю!»

«Горжусь тобой!»

«Один день за раз!»

«Продолжай ходить!»

У Джен заколотилось сердце, когда она поняла, что это значило.

Эрин Тирнан состоит в Анонимных Алкоголиках.

О, это сурово...

Очень-очень плохо.

Она, наверно, совсем расклеилась.

Джен перевела взгляд с экрана на свою «Кровавую Мэри».

На полупустом стакане блестели капельки конденсата.

Почему у меня так колотится сердце?

В тот день она начала плакать и, по сути, так и не перестала. Ни плакать, ни пить.

Большую часть последнего года Джен провела в нетрезвом состоянии. Но не более восьми дней подряд.

Она задумалась о помощи. Ничего радикального, чтобы Дэн с детьми не узнали. Тайком Джен ходила на пару сессий с доктором Розенцвайг и только зря потратила деньги. Ее вторая мать, теперь постаревшая и, кажется, гораздо более пристрастная, не дала никакого совета, кроме «Сходите в группу взаимопомощи».

Смешно.

И все же в конце концов Джен настолько отчаялась, что поискала в Интернете «Анонимные алкоголики. Линкольн-вуд». Встречи проходили в семь утра и в полдень, обе в Епископальной церкви на Хоторн-стрит. Спустя пару недель раздумий и сомнений, Джен заявила на полуденную встречу во вторник и быстро обнаружила, что плакать в окружении незнакомцев куда хуже, чем в одиночестве.

Еще хуже было то, что не все на встрече оказались незнакомцами. Там присутствовал сосед Джен, судья Дистефано. Его жена недавно скончалась от болезни Альцгеймера. Он поднял руку и рассказывал об этом трем десяткам человек. Джен чувствовала одновременно и невероятную жалость, и всепожирающий стыд, как будто подслушивала очень лич-

ный разговор, не предназначенный для ее ушей.

Больше на встречи она не ходила. Каждый раз, когда она встречалась с судьей Дистефано (что случалось слишком часто, потому что он был на пенсии и половину свободного времени проводил за выгулом своей таксы Руби), он улыбался Джен так, что у нее внутри все сжималось от неловкости. Джен не могла понять: он просто проявлял вежливость или это была улыбка снисхождения к беспросветной пьянчуге, отказавшейся уверовать в их культ, где люди, как попугаи, повторяют заезженные клише.

Встречи Анонимных Алкоголиков вызывали у Джен неприязнь. Она решила, что справится сама. Ей просто нужен был пинок под зад, определенный знак, мол, бросай или все кончено. Например, назвать дочь лузером в Гугл Доке, а потом забыть об этом на следующее утро.

Когда вопрос касался алкоголя, Джен уже почти не осознавала границ, но она не могла позволить себе обижать собственных детей. Или саботировать поступление Хлои в университет – основную их цель на данный момент.

Это не я. Я лучше.

Я бросила. Теперь уже точно.

Я все.

Джен вытерла слезы и поднялась на ноги. Сегодня она сделает все запланированные дела: съездит в банк, купит продукты, отправит Руджерам инвойс, начнет искать работу, приготовит Хлое ее любимую курицу-пармезан на ужин

и придумает, как извиниться, чтобы дочь ее поняла и простила.

Дописав список покупок, Джен вернулась на второй этаж, практически наслаждаясь острой головной болью, нарастающей с каждым шагом. Она разделась, взглянула в зеркало, скорчила гримасу, оценив свое увядающее тело (*это тоже нужно исправить – может, начну бегать, стану эндорфиновым наркоманом*), залезла в душ и включила обжигающе горячую воду.

Было больно, но по-хорошему. Словно ритуал очищения.

Джен начала намыливать голову шампунем, и в ванной вдруг погас свет.

Дэн

Где-то совсем рядом разбился самолет, и они все были в опасности.

Дэн не увидел самого происшествия, но услышал пронзительный вой, а затем взрыв и крики пассажиров, сидящих на другой стороне. А теперь весь переполненный вагон сходил с ума, заставляя думать, что пламенеющие обломки самолета представляли опасность для жизни всех присутствующих.

Дэн попытался привстать, но ему не хватило места. Багажная полка висела слишком низко, не позволяя выпрямиться в полный рост, его сумка занимала все узкое пространство спереди, а библиотекарша прижала его слева. Она стояла спиной к Дэну, схватившись обеими руками за спинки кресел. За ее пуховиком ничего не было видно.

– *Откройте двери!* – кричали в конце вагона.

Впереди визжала женщина:

– О БОЖЕ! О БОЖЕ! О БОЖЕ! О БОЖЕ!

Какой-то мужчина (*неужели Пит Блэквелл?*) пытался ее успокоить:

– Все в порядке! Мы в порядке!

Это было мнение меньшинства. Общее настроение в вагоне напоминало панику, потихоньку переходящую в истерику.

Дэн засунул сумку под окно и попытался подняться еще

раз. Поставив коленку на сиденье, он смог немного развернуться. Затем он повернул голову почти на девяносто градусов, чтобы заглянуть за плечо библиотекарши и попытаться увидеть хоть что-то из происходящего за окнами.

Из левого уха выпал наушник.

Черт!

Дэн посмотрел вниз. На сиденье его не было. Наверно, упал на пол и куда-то закатился.

Снова раздались крики:

– О БОЖЕ! О БОЖЕ!

– МЫ СГОРИМ!

– НАС АТАКУЮТ!

Страх пробежал по вагону, как заряд электричества. Библиотекарша развернулась, ее безумные глаза на секунду встретились со взглядом Дэна. Она посмотрела ему за плечо и замахала руками:

– *Откройте окно!*

– Что?

Дэн обернулся посмотреть, куда девушка указывала. В правом верхнем углу окна, совсем рядом с его головой, находился красный дугообразный рычаг с надписью: «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД».

Ниже было написано: «ПОТЯНУТЬ ДЛЯ СНЯТИЯ РЕЗИНОВОЙ ПРОКЛАДКИ».

Но в такой позе – согнувшись под багажной полкой, спиной к окну, – Дэн не смог бы снять прокладку, даже если бы

ухватился за рычаг. Нужно было повернуться всем телом.

Еще ему хотелось найти свой пропавший наушник. Желание было иррациональным, но удивительно назойливым.

Дэн стал поворачиваться по часовой стрелке, он поставил ногу обратно на пол и неловко согнул колени, чтобы хоть как-то повернуться на нужные двести семьдесят градусов к окну. Поворачиваясь, он смотрел в пол, надеясь заприметить свой белый «Эйрпод».

– Я уронил свой...

– ОТКРОЙТЕ ДОЛБАНОЕ ОКНО! – завизжала библиотечарша.

Испугавшись, Дэн взглянул на нее и поймал ее яростный взгляд. Ее глаза были так близко, что Дэн видел красные прожилки, разбегающиеся по белкам вокруг ее темно-карих зрачков.

А потом он ударился головой о полку.

– *Черт!*

– ОТКРОЙТЕ ОКНО!

– Я пытаюсь!

Дэн недооценил библиотечаршу. Она оказалась настоящей стервой.

В паре метров от них люди кричали и толкались, пытались пробраться в конец вагона, подальше от того, что так испугало пассажиров спереди.

Героически повернув колено и едва не вывихнув его в процессе, Дэн смог развернуться к окну. Но застрявшая под

окном сумка мешала ему поднять правую ногу и завершить маневр.

Наушники придется заказывать. Пройдут недели...

– МУЖИК! ОТКРОЙ ОКНО!

Теперь на него кричал и хипстер с Капитаном Америкой.

– Да открываю я!

Дэн изучил окно. Над стеклом были написаны инструкции. Он посмотрел на них.

– ОТКРОЙ ОКНО!

– ДА ПОДОЖДИТЕ!

Они не понимают, что ли, как это трудно?

Вокруг кричали люди. Дэн попытался проигнорировать шум и сфокусироваться на словах перед ним.

1. Найдите КРАСНЫЙ рычаг.

2. Потяните рычаг. Полностью снимите резиновую прокл...

– ВАШУ МАТЬ, ОТОЙДИТЕ!

Библиотекарша забралась на сиденье, протиснулась мимо Дэна и схватилась за рычаг.

– Господи! Зачем...

Девушка схватилась за рычаг и со всей силы дернула его на себя. Он оторвался от стены и ударил Дэна прямо в скулу.

– ААААЙЙЙБ!..

– Двери открылись! – заорал кто-то.

От сильной боли Дэн потерял ориентацию в пространстве. Библиотекарша решила на него напасть (*или на окно? или на него и на окно сразу?*), а еще вокруг кричали и толкались, и кто-то продолжал вопить: «*Двери открылись!*», и библиотекарша вдруг отстала от него и больше не прижимала его локтем к спинке сиденья.

Дэн взглянул наверх. Рычаг аварийного выхода, который всего пару минут назад так яростно хотела заполучить его попутчица, болтался в воздухе на куске резиновой прокладки. За окном Дэн увидел бегущих по путям в сторону Нью-арка пассажиров.

Он обернулся. Библиотекарша и хипстер протискивались к дальнему выходу из вагона.

Ряды вокруг Дэна были уже пусты.

Он нагнулся, чтобы все-таки отыскать свой пропавший наушник, как кто-то прокричал его имя:

– Дэн!

Это был Пит Блэквелл. Он шел по проходу к выходу. Вагон уже опустел. За плечом Пита в окне поезда Дэн увидел приближающееся облако рыжего пламени.

Его желудок сжался при виде этого зрелища.

– Идем, – сказал Пит.

Дэн схватил свою сумку, но, прежде чем последовать за Питом, остановился на мгновение.

А как же наушник?

Из соседнего вагона на него неслась вторая волна панику-

ющих пассажиров. Чтобы обыскать предыдущий ряд, куда, скорее всего, закатился наушник, Дэну придется проталкиваться против движения толпы.

Он последовал за Питом в противоположном направлении, к открытой двери. Через пару шагов Дэн осознал, что правая половина его лица болезненно пульсировала. Он приложил два пальца к скуле.

Пальцы испачкались кровью.

Библиотекарша разбила ему лицо.

Джен

Мыльная вода стекала по ее лицу. Джен чуть приоткрыла глаз, чтобы убедиться, что свет действительно погас.

Ну блин!

На Бейонн идет ураган?

Белка залезла в трансформаторную будку в Мэплвуде?

Вы энергетическая компания. У вас была ОДНА ЗАДАЧА!

В окна пробивалось достаточно естественного света, так что Джен смогла смыться и переодеться. Сидя на кровати, она нагнулась, чтобы натянуть носки, и ее накрыла такая волна тошноты, что Джен засомневалась, что сможет дальше игнорировать похмелье. Но тошнота прошла, и Джен решила, что продолжит, по крайней мере до тех пор, пока не заполнит холодильник продуктами.

Она отключила телефон от зарядки на тумбочке. Он был выключен, так что она зажала кнопку включения, потом засунула телефон в карман джинсов и направилась вниз.

На кухне Джен осмотрела темные внутренности холодильника и морозилки (*хорошо, что тут практически нечему портиться*) и добавила еще пару пунктов в список покупок, который разросся уже на два стикера.

Она сложила их клеевой стороной внутрь и положила в карман. Затем взяла со стола сумку, пошла в прихожую, на-

гнулась, чтобы надеть свои теннисные туфли (*черт, опять это похмелье*), сняла с крючка флисовую куртку и накинула ее на плечи. Переложила телефон в карман куртки и вошла в гараж.

Кнопка на стене не работала, так что пришлось поднимать гаражную дверь вручную. В темное помещение ворвался солнечный свет. Джен залезла в свой «вольво», кинула сумку на пассажирское сиденье и нажала на кнопку зажигания.

Ничего не произошло.

Она нажала снова. Ничего.

Не день, а чертов праздник.

Джен достала телефон. Он был все еще выключен. Одной рукой Джен с силой зажала кнопку включения, а другой потянулась к сумке за кошельком. Нашулав его, она положила телефон на приборную панель и стала копаться в кошельке в поисках визитки Автомобильной ассоциации. Пусть придут и разберутся с машиной.

Отыскав визитку, Джен снова взяла телефон. Он все еще был выключен. Раздраженно фыркнув, Джен в третий раз зажала кнопку включения и уставилась в экран.

Прошло несколько секунд.

Слишком много секунд.

Серьезно?

СЕРЬЕЗНО?

Машина?

И телефон?

Еще и света нет!

В голове Джен пробежала мысль, что все это могло быть связано.

Но Джен быстро отбросила ее, потому что она не имела смысла.

Хлоя

Хлоя с легкостью ответила на вопросы с вариантами ответа и писала уже третий абзац смелой, но аргументированной критики нынешнего Верховного суда за то, что он не отвечает стандартам судебного контроля, установленным в деле «Мэрбэри против Мэдисона», когда в классе мистера Унгера, в котором не было окон, погас свет и стало так темно, что Хлоя больше не могла разглядеть, что пишет.

Два десятка ребят одновременно изрекли свое негодование.

– Да что за...

– Ну, блин.

– Мистер Унгер! Это не смешно!

– Тсс!

– Что?

– Мистер Унгер?

– Тсс! У нас контрольная!

– Уже нет.

– Ты хоть что-нибудь видишь?

– Нет.

– Мистер Унгер!

– Кажется, он за кофе пошел.

– Кто-нибудь может включить свет?

– Электричества нет, умник!

– Фонарик на телефоне!

– Не работает.

– Мой тоже.

Хлоя сощурилась, как могла, но безнадежно: в темноте невозможно было разглядеть ни слова на бумаге.

Это нечестно. Все шло так хорошо! Первый раз за всю неделю у нее что-то стало получаться. А теперь это?

– У кого-нибудь работает телефон?

– Чиво-о-о-о?

– С ума сойти, ребята.

– Кто-нибудь, сходите за Унгером.

– Да я даже дверь не вижу!

– Она у стены.

– Ты мне так помог, Шон. Спасибо.

Хлоя отложила карандаш и откинулась на спинку стула. От ее движения парта покачнулась, и Хлоя услышала легкий стук укатывающегося карандаша. Она резко вытянула руку, чтобы остановить его, но не успела – карандаш упал. Наклонившись, Хлоя поводила рукой по полу, пока не отыскала его. Снова выпрямившись, она потрогала кончик карандаша пальцем и поняла, что стержень сломался.

Это стало последней каплей. Хлоя не расплакалась только потому, что через две парты от нее сидел Джош Хаузер.

Это худшая неделя в моей жизни.

Макс

Тремя этажами ниже Макс, одетый в спортивную форму, стоял на волейбольной площадке в зале и материл физкультурника и его подход к образованию.

В чем, по мнению мистера Фармера, был смысл уроков по волейболу? Научить их играть? Или унижить тех, кто играть не умел? Если первое, то почему учитель не показал им, как совершать подачу сверху?

Макс понимал, что технически удар снизу был вернее. Но так как его единственной целью было избежать насмешек, а снизу подавали только девочки, ему ничего не оставалось, как совершить верхнюю подачу, техника которой была для него загадкой. Они занимались волейболом второй день, а Макс до сих пор не знал, бить по мячу надо открытой ладонью или кулаком. А раз мистер Фармер не считал инструктаж частью своих обязанностей, Макс пришлось разбираться самому.

Вчера его усилия обернулись полным провалом. Он отбил подачу костяшками пальцев почти перпендикулярно сетке и едва не попал Мэдисон О'Рурк в лицо. Над ним смеялись обе команды.

Утешало Макса только то, что одновременно велось четыре матча. Кейли Адамс играла на противоположном конце зала и не увидела его позора.

Помнится, в сентябре Макс был необычайно рад, что его тайная любовь будет ходить на физкультуру в одно время с ним. Теперь Макс уже не помнил, почему считал это плюсом. Он не был спортсменом, поэтому не мог очаровать Кейли своими способностями, и слишком плохо ее знал, поэтому не мог вертеться рядом и отпускать остроумные шуточки об абсурдности уроков физкультуры.

Присутствие Кейли приносило одни проблемы. А сегодня она играла в команде Макса. Еще один провал на подаче станет убийственным для его и так хрупкой самооценки.

Почему он не потренировался подавать прошлым вечером? Хлоя раньше играла в волейбол, и в гараже где-то валялся ее старый мяч. После неудачи в понедельник Макс пришел домой в полной решимости найти его и попрактиковаться в подачах. Но парня затянуло в бесконечную воронку видео уличных драк, и вечер незаметно закончился.

И теперь он за это заплатит. Уже совсем скоро настанет его очередь подавать. Макс молился в надежде, что девять двадцать три, когда их отпустят в раздевалку, наступит раньше. Увы, он был следующим, а часы показывали лишь девять шестнадцать.

Паренек в противоположной команде выбил мяч за поле. Мяч приземлился в нескольких шагах от Кейли. Они с Максом оба пошли его подбирать.

Кейли оказалась первой. Она повернулась, кинула Максиму мяч – немного неловко, ибо она тоже не была спортсмен-

кой, – и скромно ему улыбнулась.

На короткий, но прекрасный момент у Макса запело сердце. А потом с другой стороны сетки донеслось лошадиное ржанье Грейсона Оливера:

– Прикрывайте яйца, пацаны! Хрен знает, куда этот полетит!

Кейли пошла на свое место в среднем ряду, а Макс поморщился. Настроение у него упало...

– Что ты как маленький, Грейсон? – фыркнула одна из девчонок, отчего Макс почувствовал себя еще более жалким.

Он встал на линию подачи и, взвешивая мяч в руке, оглядел поле.

Все ребята смотрели на Макса – в основном из чувства самосохранения, потому что Грейсон был прав. Никто, даже сам Макс, не мог предсказать, куда полетит этот мяч.

Макс глубоко вздохнул.

А потом с легким щелчком погас свет и зал накрыла тьма, и Макс впервые за четырнадцать лет своей жизни задумался о том, что боги, возможно, все-таки вмешиваются в дела смертных.

Дэн

– Что, черт возьми, происходит?

Пит Блэквелл в замешательстве покачал головой, разглядывая раскинувшуюся перед ним картину. Они с Дэном шли на запад вдоль магистрали Ньюарк – Джерси-Сити в растянувшемся караване из сотен пассажиров, словно беженцы на войне.

Под влиянием непонятной силы оказались не только поезда, телефоны и самолеты, но и машины тоже. Четыре поезда были забиты автомобилями. Водители стояли на дороге, недоуменно переговариваясь друг с другом, разглядывали пламя и дым, поднимающиеся от обломков самолета в миле отсюда, или тупо пялились в неработающие телефоны.

– Кровь все еще идет? – спросил Дэн у Пита.

Пит сощурился, осматривая лицо товарища:

– Да, немного.

Дэн промокнул распухшую рану скомканной салфеткой:

– Думаешь, придется зашивать?

– Возможно. Зависит от того, как ты относишься к шрамам на лице. На, возьми. – Из кармана куртки Пит достал белоснежный квадратик. – Мой платок.

В ответ Дэн показал свою окровавленную салфетку:

– У меня есть, спасибо.

– Возьми, – повторил Пит. – Seriously.

Дэн уверенно покачал головой:

– Все в порядке.

У него ныл живот. Дэн подозревал, что боль возникла скорее не от травмы, а от стыда за то, как неловко он вел себя в поезде. Ему хотелось компенсировать это каким-нибудь геройским подвигом, а принимать от другого человека его платок казалось чем-то противоположным героизму.

– Ты уверен, что нам не нужно вернуться и помочь людям с самолета? – спросил Дэн.

– Что ты хочешь сделать? – усмехнулся Пит. – Кровью их залить?

– Не знаю... вывести их в безопасное место?

– Я не думаю, что такое падение кто-то пережил. И даже если я не прав, – Пит потянул за лямки своего рюкзака, – у меня нет ничего, что поможет при ожогах третьей степени. Кроме, может, платка. – И он снова протянул его Дэну. – В котором ты отчаянно нуждаешься. Возьми.

– Мне не...

– Нужно, нужно! Бери! Я перестану чувствовать себя идиотом за то, что его взял. Ношу их с собой уже годы и никогда не использую.

– Ты не высмаркиваешься?

– Высмаркивался бы. Теоретически. Просто никогда не нужно. Ну же, возьми.

Дэн наконец сдался, засунул испачканную салфетку в карман и принял чистый платок от Пита, одновременно удивля-

ьясь тому, что у этого человека никогда не течет из носа. В уголке платка синей нитью были аккуратно вышиты инициалы ПДБ.

– Спасибо. Я постираю и верну.

– Просто выкинь. У меня их куча.

Где люди покупают вышитые платки? Прижимая ткань к щеке, Дэн раздумывал, не стоит ли ему обзавестись таким же. В сезон аллергии ему едва хватало одной пачки салфеток в день.

Его мысли прервал сердитый женский крик:

– Мы не можем ее просто оставить!

Голос доносился откуда-то спереди. Посреди забитого автомобилями перекрестка стояла пара лет пятидесяти в джинсовых куртках и ссорилась по поводу своего ржавого «камри», застрявшего на повороте налево.

Мужчина потряс телефоном перед лицом жены:

– Хочешь заказать буксир, Марджори? Пожалуйста!

Пит снова покачал головой:

– Что, черт возьми, происходит?

Дэн пытался сформулировать ответ, но быстро вернулся к самобичеванию по двум противоположным поводам (*Почему я так переживал о каком-то наушнике?* и *Почему я просто его не поискал?*), а мозг скармливал ему образы библиотечарши с покрасневшими глазами, вопящей о недостатке у него мужественности.

– Я наушник потерял. Эйрпод.

– В поезде?

– Да. Я наклонился, пытаюсь выглянуть в окно, и он выпал из уха.

– Черт! У этих штук заказы на недели вперед.

– Вот именно! Надо было остаться и поискать его.

– Не ругай себя. В таких ситуациях тяжело мыслить рационально.

– Насколько опасно было оставаться в поезде, как думаешь? – спросил Дэн.

– Из-за самолета? – Пит пожал плечами. – Не особо. Он упал довольно далеко от путей.

– Я именно так и подумал. Но... господи, девушка рядом со мной просто с ума сошла.

– Типичный случай массовой паники. Но могло быть хуже.

– В смысле?

– Если бы она заехала тебе на полдюйма выше, ты бы сейчас выковыривал из глаза осколки линзы.

– Господи. – Дэн рефлексивно поправил очки. – Верно говоришь. Я об этом не подумал.

– Всегда смотри на светлую сторону.

Как и всегда, когда он слышал какое-то клише, Дэн вспомнил о Марти Каллахане. И обернулся посмотреть на небоскребы Манхэттена.

– Не знаю, может, мне стоит добраться до офиса.

– Что-то мне подсказывает, что мало кто сегодня доедет

до работы.

– Да, но мой босс очень вредный.

– Разве он не твой студенческий друг?

– Да, но мы... э-э... Наши отношения слегка испортились.

– Как так?

– Это долгая история. Ты же знаешь, что «Город пуль» – это, считай, целая франшиза? И наш сериал вырос из оригинального «Города пуль»? Который создал тоже Марти?

– Ага.

– Так вот, он пытается запустить третий. «Город пуль: Бостон». И в конце третьего сезона у меня заканчивался контракт – я подписал его на три года, – так что, если бы я захотел вернуться, студии пришлось бы его продлевать. А штука в таких делах в том, что...

– Черт возьми! – Пит резко остановился.

Дэн – тоже:

– Что?

Их стали обходить раздраженные люди, словно река обтекала камни. Пит стянул со спины рюкзак, расстегнул молнию, достал айпад и внимательно его изучил.

– Работает? – спросил Дэн.

Пит, нахмурившись, покачал головой:

– Нет.

Он осмотрел местность: остановившиеся машины, обломки самолета, колонны пассажиров.

– Что думаешь? – поинтересовался Дэн.

– Я думаю... – Пит посмотрел куда-то вдаль. Его глаза затуманились, будто он совершал какие-то сложные вычисления. – Я побегу домой.

– Что?

– Да. Я побегу.

Пит вернул рюкзак на спину и подтянул лямки.

– В такой-то обуви?

Кожаные туфли выглядели дорогими и достаточно удобными, но не настолько, чтобы спокойно пробежать в них тринадцать километров.

– Да. Присоединишься?

– Не уверен, что я в подходящей форме...

– Ладно. Увидимся!

Пит сорвался с места. Дэн был так поражен, что не сразу заметил, что его товарищ уронил свой айпад.

– *Пит! Твой планшет!*

– Оставь себе! Или выкинь! – прокричал Пит, убежав уже метров на двадцать вперед.

Присев так, чтобы сумка не соскользнула с плеча, Дэн подобрал забытую аппаратуру и осмотрел ее. Корпус слегка пыльный, экран не загорался. Но планшет был цел.

Дэн прищурился и оглядел магистраль. Пит унесся уже на сотню метров вперед, двигаясь как настоящий спортсмен. С растущим беспокойством Дэн наблюдал, как его товарищ скрылся за группой пешеходов.

Что это за причуды?

Мне что, нести планшет ему домой?

Или оставить здесь?

Почему ОН его оставил?

Почему он побежал домой в туфлях?

Может, мне тоже побежать?

Это было глупо. У Дэна были больные колени, и он уже не помнил, когда в последний раз бегал больше двадцати минут и не на тренажере. В конце концов он протер планшет рукавом, засунул его в сумку и продолжил свое шествие в сторону Ньюарка.

Если учесть обстоятельства, то принести планшет Пита Блэквелла обратно в Линкольнвуд казалось поступком вполне героическим.

Джен

Последнее, что Джен хотела сегодня делать, было стучать в дверь судьи Дистефано.

Но если она хотела выжать из этого безумного утра хоть толику продуктивности, у нее не было выбора. Нужно было купить продукты, а раз отключение электричества превратило ее новенький домашний телефон в бесполезный кусок пластика, то, чтобы позвонить в Автомобильную ассоциацию, ей придется одолжить телефон у соседа. И соседом этим оказался Фрэнк Дистефано, потому что все остальные дома на Брэнтлисеркл сейчас пустовали.

Джен начала со Станковичей, хотя знала, что ей придется минут десять выслушивать монологи Кайлы о том, как тяжело утеплять бассейн, или как плохо ей сделали маникюр, или кто победит в этом сезоне «Холостяка». Однако Кайла, должно быть, ушла на уколы коллагена, потому что Джен не ответил никто, кроме Искры, которая взбесилась настолько, что стала кидаться на дверь. Джен слушала этот истеричный лай и размышляла, бывает ли у собак эмболия.

Потом она попыталась счастья у семейства Мукерджи. Но Арджун по рабочим дням дома не бывал, а Ану, наверно, уехала в магазин, оставив Заиру в дошкольной группе.

Затем настала очередь Кэрол Суини, гиперактивной разведенки со взрослыми детьми, которая, видимо, ушла на

встречу Искусствоведческого совета, или друзей Ботанического сада, или еще какой-нибудь волонтерской организации – она состоялась, наверное, в дюжине. Стоя на крыльце дома в ретростиле, откуда Кэрол выперла своего мужа-ортопеда Патрика за то, что тот спал со своей секретаршей, Джен осознала, что Кэрол уже два года не уговаривала ее вступить в какой-нибудь комитет. Она просто сдалась или пронюхала, что Джен выпивает, и перестала считать ее надежным человеком?

Это была неактуальная мысль. Кэрол все равно не было дома.

Оставался только судья. Как и дом Кэрол, его послевоенный особнячок был реликвией, оставшейся с менее вычурных времен линкольнвудской архитектурной истории. Снаружи он выглядел чисто и опрятно. Но внутри его не обновляли с тех пор, как Фрэнк и его покойная жена Натали переехали сюда в 1964 году. Нажимая на кнопку древнего замка, Джен молилась, чтобы дом не пах плесенью, как в прошлый раз, когда после смерти Натали она принесла судье домашнюю запеканку.

Сначала ответила Руби. По сравнению с Искрой, ее лай звучал почти вежливо. Потом судья, одетый в кардиган и домашние тапочки, открыл дверь, и такса отступила за ноги хозяина.

– Доброе утро, Дженнифер!

Достопочтенный Фрэнсис В. Дистефано улыбнулся своей

загадочной улыбкой, которая могла значить все что угодно – от «здравствуй, соседка!» до «мне очень жаль, что ты жалкая пьяница, которая не ходит на встречи тебе подобных». Его глаза за очками излучали доброжелательность.

– Здравствуйте, Фрэнк. Извините, что беспокою...

– Ты никогда меня не беспокоишь, милая. Чем я могу помочь?

– Ваш телефон работает? У меня машина не заводится, и мне нужно вызвать механика.

– Конечно! Проходи внутрь. – Судья пошире открыл дверь-ширму и шагнул назад, чтобы дать Джен пройти.

Руби проскользнула мимо ее ног и с надеждой выглянула на улицу.

– Руби, моя хорошая, мы уже гуляли утром.

Судья слегка прикрыл дверь, и такса неохотно вернулась внутрь.

К облегчению Джен, дом пах в основном лимонным чистящим средством, к которому примешивался еле заметный запах ветхости. По пятам преследуемый Руби, судья Дистефано провел соседку мимо гостиной по коридору до кухни с линолеумным полом.

– Домашний телефон обычно работает, даже когда отключают электричество.

На одном из шкафчиков висел древний дисковый телефон бежевого цвета. Судья взял трубку и приложил ее к уху. Потом нахмурился.

– Либо я еще больше оглох, – сказал судья, передавая трубку Джен, – либо нам не повезло.

Тяжелая трубка с растянутым проводом, свисающим почти до пола, напомнила Джен о детстве. Она приложила трубку к уху, почти ожидая, что услышит голос Эмили Миллер, своей лучшей подруги в начальной школе.

Но вместо Эмили Миллер или гудков на другом конце была тишина.

– Вот блин! – Джен подергала металлические рычажки на корпусе телефона, сдалась и повесила трубку.

– Странно, – сказал судья, озабоченно разглядывая аппарат. – Такое обычно не случается. Он работал даже во время урагана Сэнди. Еще раз, кому тебе нужно позвонить?

– В Автомобильную ассоциацию. У меня машина не заводится.

– Думаешь, это аккумулятор?

– Наверно. Но мои познания в автомобилях заканчиваются на том, как открыть багажник, так что...

Руби сделала несколько робких шагов к Джен. Та нагнулась и протянула руку собачке. Такса тут же отпрянула.

– Может, я смогу помочь? – спросил судья. – У меня есть нужные провода. Подъеду на своей машине к твоему гаражу...

– Нет, что вы, такие неудобства. – Джен отстала от Руби и выпрямилась. От наклонов еще сильнее разболелась голова.

– Мне не сложно. У меня в планах на сегодня только книга

о битве при Геттисберге. И я уже знаю, кто победил.

– Это очень мило с вашей стороны. Но не нужно. Электричество скоро включат, я уверена.

– А если нет, то заходи. Буду рад помочь.

Они вернулись к входной двери.

– Спасибо. Я очень вам благодарна.

– А для чего нужны соседи? Поцелуй детишек за меня.

– Попытаюсь. Они слишком взрослые, чтобы такое терпеть.

– Не позволяй им так думать. Они никогда не станут слишком взрослыми.

– Хорошо. Спасибо еще раз.

Фрэнк придержал Джен дверь:

– Обращайся. Береги себя, Дженнифер.

И опять эта мягкая улыбка, как будто ее жалели.

Чертовы «Анонимные алкоголики» с их самодовольством!

Вернувшись домой, Джен снова отправилась в гараж и еще раз попыталась завести машину. Безрезультатно.

Что за черт?

Что. За. Черт?

Джен решила не задерживаться у судьи, но тот факт, что его домашний телефон тоже не работал, делал ситуацию еще более странной.

Почему не работал ноутбук? Неработающий айфон еще можно объяснить скачком напряжения. Но ноутбук в тот мо-

мент работал от аккумулятора. Однако он тоже не включался.

Джен нужна была информация. Но без Интернета, телевизора и радио в машине...

Радио!

То, с заводной рукояткой, что генерировало свое электричество. Они купили его после аварии в 2003-м и использовали во время урагана Сэнди.

Куда я засунула эту штуку?

Джен выбралась из автомобиля.

В шкафчике на кухне рядом с фонариком радио не было. Джен прихватила фонарик (который работал, слава богу) и отправилась с ним в подвал.

Радио обнаружилось вместе с другими запасами, которые Дэн и Джен приобрели после урагана Сэнди. Тогда они собирали все, что казалось полезным: аптечку, еще три фонарика, батарейки, свечи, спички, дождевики (*Серьезно? О чем мы думали?*), литров тридцать воды в бутылках, разнообразные консервы. Джен положила включенный фонарик на полку для подсветки, покрутила ручку радио и включила его.

Ничего. Даже помех не было. Радио не работало, как и все остальные приборы.

Джен забрала его наверх на кухню и попробовала еще раз. Ничего. Она провертела ручку двадцать раз, чтобы точно зарядить радио полностью. Это не по могло.

Все это очень и очень странно.

Я будто попала в эпизод «Очень странных дел».

Взгляд Джен упал на полупустую бутылку каберне рядом с тостером.

Нет!

Но...

HEEEEEEEET.

Джен долго раздумывала, не вылить ли вино в раковину. Но Дэн, возможно, захочет пропустить стаканчик после работы.

Да и не так уж и нужно вино выливать. Алкоголь ее больше не манил. Это не обсуждалось.

И что теперь?

Каким-то образом Джен нужно добраться до магазина и купить продукты.

Как далеко до «Хол Фудс»? Два километра? Три?

Это расстояние легко пройти пешком. Возвращаться, конечно, будет сложнее. Придется подниматься на довольно крутой холм, да еще и с пакетами в руках. Зато спортом занимается.

Семья очень нуждалась в продуктах. Происходящая с электричеством (и телефонами... и машиной... и радио) ерунда может обернуться большой проблемой.

Не такой большой, как ураган Сэнди. Но достаточно крупной.

Придется пересмотреть список продуктов. Выкинуть то, что Джен не сможет протащить три километра вверх по хол-

му. Купить то, что поможет им прожить по крайней мере до доставки продуктов, которую она заказала утром. Или даже дольше.

Насколько долго? И что у нас уже есть?

Джен вернулась в подвал и внимательнее осмотрела аварийные запасы.

Она провела лучом фонаря по пыльным крышкам шести больших бутылок минералки. Срок годности у них закончился год назад.

Вода вообще может испортиться?

Звучит неправдоподобно.

Наверно, хитрый план производителя, чтобы люди покупали большие минералки.

Джен перешла к следующей полке. На ней стояли десять банок с тунцом, четыре большие банки арахисового масла, консервированные артишоки, стручковая фасоль, томаты...

И у самой стены бутылка водки «Кристал Хэд».

О боже!

Эта хрень.

Водка осталась с юбилея Дэна в прошлом году. Джен считала «Кристал Хэд» глупостью – бутылки у них были в форме человеческого черепа и стоили в два раза дороже обычных, но Дэн настоял на покупке, потому что это была любимая марка его начальника. Конечно же Марти Каллахан на празднование не явился, что Джен должна была предвидеть. Марти и его жену Марину, украинскую модель-актрису-что-

там-еще, она видела всего пару раз в жизни, и ей – но не Дэну – сразу стало очевидно, что они слишком шикарно живут, чтобы крутиться в окрестностях Нью-Джерси.

Несмотря на это, Дэн весь вечер продержал водку в холодильнике на случай, если Марти все-таки приедет. Бутылку так и не открыли. Решив не возвращать ее в магазин, Джен спрятала ее в подвале.

А потом забыла о ней почти на год.

И вот теперь бутылка поблескивала из темных глубин полки. Джен отодвинула консервы, достала бутылку и взвесила в руке, не преминув отметить «тонкий» символизм: стеклянный череп с ее любимым напитком появляется ровно в тот день, когда она поклялась бросить пить навсегда.

Бутылка в виде черепа. Это что, пьяный Гамлет?

Может, это знак.

Знак чего?

Что Марти Каллахан – подросток-переросток?

Что ты складировешь водку, как настоящая сумасшедшая?

Почему Господь показал мне эту бутылку ровно в тот день, когда я решила бросить?

Господи Боже мой, Дженнифер!

Богу не нужно, чтобы ты пила из этой дурацкой бутылки.

Даже Сатана глаза закатывает.

Джен покачала головой, чувствуя отвращение к самой се-

бе, и поднялась с бутылкой на кухню, чтобы вылить водку в раковину.

Хлоя

Ученики старшей школы Линкольнвуда сорок минут торчали на газоне и прилегающей парковке и уже начинали беспокоиться. Согласно стандартной процедуре пожарной эвакуации, которой директор Славитт решил последовать за неимением более подходящего варианта, ученики разделились по классам. Но время шло, недисциплинированным ребятам стало скучно, они отправились на поиски друзей, и группы перемешались.

Теперь и учителя отходили в сторонку, собираясь по два-три человека, и раздраженно перешептывались о некомпетентной администрации, которая не может справиться с отключением электричества, из-за чего не действуют ни стационарные, ни мобильные телефоны. По правилам нельзя было закрыть школу, не проинформировав родителей учеников, а без телефонов, эсэмэсок и имейлов это представлялось невозможным. Не сигнальные ракеты же искать! Поэтому уже некоторое количество минут – поголовное отключение мобильных телефонов лишило людей способности определять время – ученики и учительский состав провели в неопределенности.

Отношение Хлои к ситуации со временем улучшилось. Конечно, ее злило, что контрольную, которая так хорошо у нее шла, прервали. Раздражение усиливала совершенно про-

тивоположная реакция одноклассников. Еще до того, как мистер Унгер строем по одному вывел их с третьего этажа на лужайку перед школой, хронические троечники, вроде Шона Холлистера, стали требовать переписывания контрольной. От мысли, что ее первый за несколько недель академический успех выкинут в мусорку из-за какой-то формальности, у Хлои разрывалась голова. Оказавшись на улице, она присоединилась к группе нытиков, окруживших мистера Унгера, которые пытались доказать ему ту или иную точку зрения на ситуацию с контрольной.

Поначалу это фиаско казалось лишь очередным слоем в дерьмо-сэндвиче, который Вселенная скармливала Хлое всю неделю.

Но потом все стало меняться. Мистер Унгер сдался под напором учеников и предложил переписать контрольную по желанию, обещая, что ничья оценка не пострадает, а те, кто был доволен своими ответами, могли продолжить с того места, где остановились, когда отключили свет.

Более того, Джош Хаузер оказался одним из троечников, требующих переписать работу, так что Хлое пришлось с ним спорить. Когда мистер Унгер сдался, их ругань превратилась в дружеские подколы.

– Да контрольная даже не была сложной! – сказала Хлоя Джошу.

– Шутишь, что ли? Да ты, наверно, политический гений. Эй! – Глаза Джоша расширились. У него были очень краси-

вые глаза. Ярко-голубые, с крапинками серого. Если не считать спортивной фигуры, они были самой привлекательной чертой парня. – Будешь моим репетитором?

– Серьезно? – Хлоя не могла понять, шутит он или нет.

– Да! Это будет суперкруто! Сколько ты берешь?

Хлоя усмехнулась, глядя на парня снизу вверх. Еще одна классная черта Джоша: он был выше на пять сантиметров. С ее ростом в метр восемьдесят мало кто из парней мог таким похвастаться.

– Я очень дорого стою, – ответила Хлоя, изображая высокомерие. – Вряд ли ты сможешь себе позволить заниматься со мной.

Джош усмехнулся в ответ:

– Оплата только наличными?

– Хочешь на карту мне скинуть?

– Нет... Как это называется, когда ты, типа... ну, меняешь вещь на другую вещь. Вместо денег...

– Бартер?

Возможно, Джош был тупее, чем Хлоя предполагала. Он перешел в школу Линкольнвуда лишь в начале прошлого учебного года и быстренько втерся в компанию суперпопулярных выскочек-спортсменов, вроде Тома Мак-Карти и Бретта Мазурски. Так что, несмотря на свою влюбленность, Хлоя с ним никогда особо не общалась. Этот разговор тянул на самый длинный.

– Бартер, точно! Ты такая умная! Видишь, поэтому я хочу

взять тебя в репетиторы.

– Да, но что ты предлагаешь взамен? Мешок пшеницы?

– Можно! У меня большой задний двор, и я могу ее вырастить.

– Думаешь, успеешь до новой контрольной? Остался день.

Джош рассмеялся:

– Может быть! Наверно, стоит начать прямо сейчас, как думаешь?

– Мне кажется, земледелие требует времени. Как насчет скота? У тебя есть корова? Или куры?

Джош снова рассмеялся, и Хлоя заволновалась, что слишком много шутит: парни такое не любят.

– Могли бы быть! – сказал Джош. – Если бы я знал, что они пригодятся. – Тут на его лице появилась слегка смущенная улыбка. – Подожди! Я знаю. Массаж.

У Хлои в животе запорхали бабочки. Она точно правильно поняла его улыбку?

– Хм... А ты лицензированный массажист?

– Нет, но мне обязаны выдать лицензию. У меня волшебные руки.

Хлоя почувствовала, что краснеет. Не стоит ли прекратить поток двусмысленных намеков и вернуть в разговор массажиста-шведа по имени Ханс?

Нет, не стоит.

– Знаешь, звучит очень соблазнительно.

– Ну! – Улыбка Джоша стала шире. – Ты удивишься, на-

сколько будет хорошо.

Теперь Хлоя точно покраснела. Блеск его глаз было ни с чем не спутать. Становилось интересно.

Теперь настала ее очередь отвечать.

В голове пусто.

Что мне сказать?

ЧТО ЕМУ ОТВЕТИТЬ?

О БОЖЕ, Я ВСЕ ПОРЧУ!..

– Ну и сумасшедший денек сегодня! – Эмма возникла рядом с Хлоей, чем неосознанно ее спасла.

– О-о, привет! Джош, ты знаешь Эмму?

– Да, конечно! Как оно?

– Смотрю в сдохший телефон, как и все остальные. – Эмма показала свой теперь бесполезный айфон. – Странно, правда?

– Очень странно.

– Да, суперстранно.

– Вы знали, что машины тоже не работают?

– Что-о-о?

– Смотрите сами.

Эмма повернулась и указала на далекий перекресток Бродмур-стрит и Гроув-стрит. Перпендикулярно друг другу там стояли два автомобиля. Оба водителя вылезли на улицу и разговаривали, прислонившись к капоту «БМВ».

– Машины не работают, – объяснила Эмма. – Они не могут их сдвинуть.

– Черт! – Джош, открыв рот, с беспокойством разглядывал обездвиженные авто. – Надеюсь, я доберусь сегодня до бассейна.

Хлоя, вспомнив про завтрашний полуфинал по теннису, спросила:

– Как думаете, это на день или дольше?

– Не знаю. – Джош покачал головой. – А что?

– У нас завтра полуфинал. Нужно ехать аж в Рамсон.

Тяжело было поверить, что случившееся повредило и школьный микроавтобус тренера Каневского. Хотя в равной степени невероятным казалось и то, что отключение электричества подействовало и на мобильные телефоны, даже не подключенные к розеткам.

Если полуфинал сдвинут на четверг, у меня будет лишний день, чтобы исправить удар слева.

Но тогда придется перенести занятие с репетитором.

И когда мне писать эссе по литературе?

А тест по физике у меня когда?

В зависимости от своей продолжительности отключение электричества могло серьезно испортить планы Хлои.

– Эй, мм...

Хлоя вернулась в реальность. На нее в упор смотрели прекрасные глаза Джоша.

– Если уроки сегодня отменяют, какие у вас планы? – спросил парень, улыбаясь.

Хлоя подняла брови и улыбнулась в ответ.

Ситуация может создать проблемы. Но и новые возможности тоже.

Макс

– Это ЭМИ, чувак, – заявил Дэннис. – Никак иначе.

Оказавшийся на парковке в полусотне метров от сестры, Макс только сейчас задумался о причине отключения электричества. До этого вся его энергия уходила на то, чтобы не замерзнуть и продолжать злиться на мистера Фармера, который в двенадцать градусов и сильный ветер выгнал класс на улицу в шортах и футболках.

Защищенный от непогоды спортивным костюмом и толстым слоем жира, Фармер какое-то время придерживался позиции, что ребятам нужно просто потерпеть и перестать ныть, а потом Макензи Вайтлоу застучала зубами от холода. Тогда Фармер сдался и вместе с миссис Мэнсфилд вернулся в школу, где раздобыл несколько фонариков, так что класс смог вернуться в раздевалку и переодеться.

Личный шкафчик Макса был совсем близко к спортивному залу, и, перед тем как вернуться на улицу, Макс в полутьме сбегал к нему и забрал куртку и рюкзак – на случай, если уроки отменяют. Это казалось неизбежным: завуч Фигуроа только что вышел из здания школы к учителям и что-то им прошептал. Макс отыскал Дэнниса и поинтересовался его планами на остальной день.

У Дэнниса была теория о происходящем, основанная на малоизвестной компьютерной игре «Dark Age», о которой

Макс даже не слышал.

– Что такое ЭМИ? – спросил приятеля Макс.

– Электромагнитный импульс. Это, типа, огромная волна электрической энергии. Сжигает все, у чего имеется плата. То есть электросети, телефоны, любые автомобили, произведенные после семидесятых. Потому что у них все электронное. Наверно, поэтому те машины сдохли. – И Дэннис указал на автомобили на Бродмур-авеню.

– А что этот импульс вызывает? – спросил Макс.

– Много что. В «Dark Age» это были бомбы. Китайцы внезапно на нас напали.

– Чел, если бы к нам летели бомбы, мы бы узнали.

– А вот и нет! Их можно, типа, взорвать в атмосфере, так что будет только ЭМИ и ничего больше. И это необязательно бомбы. Я, когда закончил игру, почитал про эти ЭМИ. Там просто чума: их даже солнце испускает!

– Чего?

– Ну, солнечные бури. Солнце, по сути, это огромное ядерное оружие, которое постоянно взрывается. Так? И иногда оно просто берет и выпускает кучу рандомной энергии. Солнечный шторм. И если он достаточно большой, он может выпустить огромный импульс по всей системе. И сжечь все на Земле на фиг.

– И если такое произойдет, как это исправить?

– А никак. Поэтому игра и называется «Dark Age» – «Темный век». Все вернулось в Средневековье. Современное об-

щество рухнуло. Буквально за ночь!

Прежде чем Макс смог осмыслить последствия такого события, со ступенек у бокового входа раздался громкий голос завуча Фигероа:

– Слушайте все! Очевидно, ситуация необычная. Не ясно, что случилось и как долго не будет света...

– Да вечно, – пробормотал Дэннис.

– Но в такой обстановке мы не можем проводить уроки. И хотя у нас нет возможности связаться с вашими родителями, мы вас отпускаем. Те из вас, кто приезжают в школу на автобусе, пожалуйста, подойдите к мистеру Гарсиа у главных ворот...

– Гуляем, пацаны-ы! – Энди Ко материализовался за спинами Макса и Дэнниса и хлопнул их по спинам. – Покер у меня дома.

Едва Макс успел обрадоваться, что его друзья наконец-то забудут про Колду, как следующим же предложением Энди разбил все его надежды на светлое будущее.

– Грейсон и Джордан тоже будут, – радостно сообщил он.

– Какого хрена? – недовольно воскликнул Макс. – Почему мы играем с ними?

Энди расплылся в улыбке:

– Потому что они отстой, чел! Мы обчистим их до нитки!

– Нет. Ни за что! Я не буду играть с этими идиотами! – решительно отказался Макс.

– Ну, чува-ак, – простонал Дэннис, заглушая раздражен-

ное фыркание Энди. – Не надо так. Он не будет тебя снова бить.

– Еще бы, пусть только попробует! – При одной мысли у Макса подскочил адреналин.

– Ты не можешь просто забыть об этом? – спросил Энди. – Все равно ты был виноват.

ЧЕГО?!

– Пошел ты, Энди!

– Что? Ты сам так сказал.

– Не говорил я такого! – заорал Макс.

– Говорил, говорил, – настаивал Дэннис. – И не надо было передергивать по поводу его отца.

– Но я не... это было... идите на хрен, вы оба! – Макс кипел от ярости. – Это *наша* игра! Ты не можешь просто пригласить *этих*, не спросив нас!

Энди пожал плечами:

– Это мой дом, так что вполне могу.

Три минуты спустя Макс, пыхтя, кряхтя и раскачивая руль из стороны в сторону, ехал на велосипеде вверх по холму на Гроув-стрит.

Невероятно! Он никогда в жизни не сталкивался с таким предательством.

Покер был его темой! Энди, Дэннис и Бен не узнали бы правил, если бы не он!

А теперь они кидают его ради пары тупоголовых придур-

ков?

Чертовы предатели!

Когда Макс наконец добрался до Уолкер-стрит, его легкие горели. Он повернул направо и откинулся назад, чтобы перевести дух. Проехав полквартала, Макс прибился к тротуару, остановился и расстегнул карман куртки.

Ему нужно закурить. Глотая воздух, Макс осмотрел улицу, чтобы убедиться, что она пуста и никто на него не наступит. А потом достал электронную сигарету.

Предатели! Изменники!

Макс уставился на устройство. Батарейка не горела зеленым.

Экран тоже погас.

Макс постучал по нему. Ничего.

Что за черт?

Он постучал еще, более отчаянно. Ничего. Сигарета сдохла.

Макс все равно попытался закурить.

Ничего.

ТВОЮ МА-А-АТЬ!

Ничего не понимая, Макс уставился на кусочек пластика и металла. В отличие от так называемых друзей, сигарета никогда еще его не подводила.

Хлоя

– Я не знаю, Френчи. – Эмма, открыв дверь и поставив одну ногу на асфальт, сидела на водительском сиденье своей «джетты». – Ты правда хочешь потусить с этими людьми?

– Не со всеми...

Хлоя стояла рядом и, покусывая заусенецу на пальце, осматривала школьную парковку. В соседнем ряду Джош разговаривал с Томом МакКарти и Бреттом Мазурски.

– Только... ну...

– С одним из них?

– Да.

Эмма вздохнула.

Хлоя поморщилась:

– Извини...

– Не, я понимаю.

– Он же не такой, как...

– Он точно наименее бесячий из них всех.

– Ну! Если бы он не попал в их компанию, когда только пришел и никого еще не знал...

– Да. Не, я понимаю...

– Это ненадолго. У меня тренировка в три тридцать.

Когда уроки отменили, тренер Каневский отыскал Хлою и других ребят из ее команды и сообщил им, что тренировка все равно состоится. Грядущий полуфинал по важности

перевесил неудобства, связанные с отключением электричества.

– И мне нужно будет пообедать. Так что мы не задержимся.

– Да. Ладно.

Хлоя положила руку Эмме на плечо:

– Спасибо тебе огромное!

Эмма улыбнулась:

– Для этого и нужны друзья, да? – Она нагнулась в салон и в очередной раз повернула ключ зажигания, но автомобиль не отозвался. – Я сдохну, если машина сломалась.

– Не переживай. Наверняка это можно починить. Не могут же все машины навсегда перестать работать?

Оглядевшись вокруг, Хлоя не нашла подтверждения своих слов. Но быстро забыла об этом, ведь Джош договорил с Томом и Бреттом и теперь направлялся к ним:

– Как оно?

– Да вот смотрю, как Эмма пытается завести машину.

– Тухляк, да?

– Совсем.

Джош сочувственно покивал:

– Очень странная фигня. Кстати, мы хотим зависнуть у Броди. Пойдете с нами?

Броди Кипплингер учился в Линкольнвудской академии, местной частной школе. Его родители владели поместьем на Маунтэн-авеню, но редко там появлялись, отчего дом стал

вершиной социального небосвода линкольнвудских подростков. Ни Хлоя, ни Эмма никогда не бывали внутри, но утверждали, что это сознательный выбор. Эмма считала Броди воплощением привилегий, доступных только богатым белым цисгендерным мужчинам, а Хлоя считала Броди мудакком. Но до настоящего момента их нежелание веселиться у него дома было чисто гипотетическим, потому что их никогда не приглашали.

Девушки переглянулись. Потом Хлоя ответила за них обеих:

– Да, конечно!

Дэн

Это серьезно?

Или не очень?

Чем ближе Дэн подходил к дому, тем запутаннее становились его мысли о том, что он и тысячи других людей сейчас переживали.

Это какое-то замедленное одиннадцатое сентября? Первый этап вторжения пришельцев? Или просто всеобъемлющее отключение электричества?

Первые несколько километров Дэну казалось, что все отчаянно плохо. Настроение толпы, плетущейся по магистрали на запад, можно было описать как мрачное и напуганное. Встревоженный необъяснимым уходом Пита Блэквелла, Дэн думал в основном о жене и детях.

Они в порядке?

Это... что бы это ни было... произошло и в Линкольнвуде тоже? Или нет?

Джен сильно переживает? Вспоминает теракт?

Дэн зашел на заправку, чтобы позвонить домой. Стационарный телефон там не работал, что встревожило Дэна еще сильнее.

Но в Ньюарке атмосфера изменилась. Крушение самолета произошло слишком далеко от городского центра, так что до местных доходили только слухи. И хотя вся технологи-

ческая инфраструктура также перестала работать, это произошло без каких-либо серьезных инцидентов: пара мелких аварий да застрявшие лифты. Жители Ньюарка высыпали на улицы, но паники не было. Люди казались в основном сбитыми с толку.

Поэтому легче обычного завязывали разговоры, особенно с Дэном. Его разбитое лицо придавало ему вид человека, который через многое прошел, так что прохожие пытались выудить у него информацию.

– Эй, что с твоим лицом?

– Я проезжал на поезде недалеко от Гаррисона, и рядом с нами упал самолет.

– Ни хрена себе! И ты там был?

– Ну, не в самолете. Но рядом.

– Все плохо?

– Да. Пассажирский лайнер. Несколько сотен человек.

– Блин! Это как-то связано с происходящим? С отключением электричества?

– Не знаю. Кстати, не подскажешь, как выйти на Линкольн-авеню?

– Три квартала в ту сторону. А потом налево у магазина «Фикс прайс».

– Спасибо.

– Береги себя, братец!

Рана на лице добавила Дэну уважения прохожих (некоторые встреченные им люди едва ли не благодарили его за

службу). С одной стороны, это было приятно, а с другой – Дэн стал казаться себе обманщиком. Хотя и не видел смысла объяснять каждому встречному полный контекст полученной травмы. *Нет, понимаете, я получил в лицо, потому что другая пассажирка хотела выпрыгнуть в окно, а я был слишком занят поисками своего наушника, чтобы открыть для нее аварийный выход.* Слишком длинно. Да и не хотелось мешать незнакомцам переживать на его примере случившуюся трагедию.

Так что, когда люди задавали вопросы, Дэн пытался продемонстрировать стойкость и выдержку. Воспоминание о презрении в глазах библиотекарши все еще цеплялось к нему, как колючий свитер, так что он искал возможность погеройствовать.

Однако возможностей никак не представлялось. Кроме постоянного потока сбитых с толку водителей, которые не знали, куда деть свои автомобили, Дэн встретил лишь одну женщину – латиноамериканку пенсионного возраста, – которая причитала над тележкой с продуктами возле входа в пятиэтажное здание.

Дэн сообразил, что ей нужно занести эти продукты наверх, но бабуля не разговаривала по-английски, а его абсолютно детское знание испанского не позволило развеять ее подозрения. После нескольких попыток убедить женщину в своих благих намерениях, Дэн сдался, сожалея, что в школе решил учить не испанский, а французский. Шансы, что в

окрестностях Ньюарка обнаружится пожилая француженка, были ничтожно малы.

В конце концов, единственным актом героизма могло стать возвращение айпада Питу Блэквеллу. А планшет даже ничего не весил.

Когда Дэн добрался до Линкольн-авеню, шедшей по прямой от района рабочих-латиноамериканцев через все более обеспеченные кварталы до своего географически-социально-экономического пика в полутора километрах от дома Альтманов, его переживания о семье уступили место переживаниям о работе.

В Манхэттене тоже нет света? Собрание сценаристов все еще состоится?

Дэну вспомнился их кабинет. Марти сидит во главе стола в своем офисном кресле, за ним на стене белая доска... Сумайя, ассистентка сценариста, – у его локтя, пальцы лежат на клавиатуре макбука. Адам Файнмэн на своем обычном месте у входа, прodelывает эти странные штуки с ручкой... Сара Гутьеррез молча накручивает на мизинец прядь волос... Бобби Оу открывает «Рэд Булл», а кресло рядом с ним – место Дэна – подозрительно пустое.

Бобби и Адам жили в Бруклине. Интересно, они добрались до офиса? Метро вообще работает? Сейчас идут съемки эпизода с Сарой? Или на площадке тоже все сломалось?

Если съемки остановились, это будет настоящая катастрофа. Марти придется принять удар на себя. И последнее, что

ему нужно в такой ситуации, это сидеть в кабинете и отвергать посредственные идеи Бобби и Адама. Особенно когда все классные предложения Дэн нес в своем молескине.

Он стал размышлять, как добраться до города. По Линкольн-авеню можно почти до железнодорожной станции, где он оставил «лексус». К тому моменту, возможно, возобновится движение поездов. А если нет, «лексус» был очень надежной машиной. С пробегом всего десять тысяч километров, только что из сервиса. Не может быть, чтобы Дэн не смог его завести. Если только не случилось что-то совсем ужасное. Если получится, он доедет до города, ворвется в кабинет и спасет Мартину задницу двумя фантастическими эпизодами: «Смерть на Комикконе» и «Библиотекарша получает по заслугам».

Названия, конечно, рабочие. Но Дэн насладится мстостью, и будет она сладка.

Но перед тем, как ехать в офис, нужно было обработать рану, так что Дэн направился в «Луиза Фармасиа» за аптечкой. Но полиспорин у них оказался неоправданно дорогой, пластыри – непонятной марки, а оплата – только наличными. Дэн решил сохранить семнадцать долларов кэша до следующей нештатной ситуации.

Где-то через километр он заглянул в «Неотложную помощь Эдриджа», но ушел ни с чем: там требовали подписать договор на семь страниц и заплатить двадцать баксов.

Дэн встретил на пути еще две аптеки, но они закрылись

из-за отключения электричества. Похоже, он не найдет нужные лекарства, пока не доберется до автомобиля.

А потом Дэну пришел в голову вариант получше. Если он предстанет перед Марти с окровавленным лицом, никто не посмеет сказать ему, что он недостаточно предан работе.

Дэн как раз размышлял над новым планом, когда ему повстречался полицейский. Это был заместитель шерифа округа Эссекс; он направлялся по Линкольн-авеню в противоположную сторону. Полицейская форма и высокий рост делали его такой представительной личностью, что Дэн не мог не остановить его и не узнать что-нибудь полезное.

– Извините, сэр! Вы не знаете, что происходит?

Коп уставился на Дэна пустым взглядом:

– Электричества нет.

– Это понятно. Вы не знаете – почему?

– Я, мм... – Коп опустил подбородок и нахмурил брови, задумываясь. – В данный момент у меня нет актуальной информации. Что случилось с вашим лицом?

– Это долгая... Вы слышали, самолет разбился?

Брови полицейского поменяли направление и поползли вверх.

– Вы в нем были? В том, который упал на поле для гольфа?

– Нет, я... Что?

– Вы были в самолете? Который приземлился на поле для гольфа? – Коп указал на юго-запад.

– Самолет приземлился на *поле для гольфа*?

– Да. В загородном клубе в Шорт Хиллс. Семь тридцать семь. Посадили прямо на поле.

– Ух ты! Нет, я ничего не слышал.

– Невероятная история. Похоже, все остались живы.

– Вы видели, как он садился?

– Нет. – Коп замотал головой. – Только слышал. От одного мужчины. А вы, получается, были на *другом* самолете?

– Нет, я был в поезде. Ехал в город. Самолет рухнул рядом с путями.

– Где это было?

– За Гаррисоном. Почти в Джерси-Сити. А еще что-нибудь вы слышали?

– О чем?

Дэн пожал плечами:

– Да о чем угодно.

Коп снова покачал головой, в этот раз медленнее. Глубоко вдохнул и, надув щеки, выдохнул:

– Я возвращаюсь в главное управление, узнать, нет ли... ну...

Дэн подождал, пока полицейский закончит предложение.

Но тот не стал этого делать.

Заместитель шерифа перевел вопрос на Дэна:

– А *вы* что-нибудь слышали?

– Ничего такого, нет.

– Ладно. Тогда удачи. И, наверное, вам следует обработать рану.

Коп собрался уходить.

– Подождите!..

– Да?

– Вы не знаете, где я могу это сделать? Обработать рану.

– Пробовали неотложную помощь? Там, откуда вы пришли?

– Пробовал, да, – кивнул Дэн. – Там... слишком много бюрократии. Я думал, может, госпиталь есть...

– Не советую. – Полицейский решительно покачал головой. – Я бы держался от них подальше. Я только что из Мемориального – у них полно проблем. Оборудование не работает. В реанимациях... и все такое...

– Разве у них нет запасных генераторов?

– Есть. Но они тоже не работают.

– Ох божечки!

– Полный бардак. Не ходите туда.

– Хорошо. Спасибо. Хорошего дня.

– Вам тоже.

Дэн двинулся дальше. Прокручивая в голове разговор с полицейским, он вновь почувствовал, как земля уходит из-под ног.

Мир, где самолеты садятся на поля для гольфа, где в госпиталях не работает оборудование, где полицейские не имеют понятия, что происходит... Это неправильный мир.

Совсем неправильный.

Дэн продолжал идти. Сначала у него закружилась голова,

потом его затошнило.

Это шок?

Нет, скорее всего, просто хочется есть...

Дэн уже испытывал подобное перед обедом. Сахар в крови и все такое...

Уже обед или еще нет?

Инстинктивно Дэн потянулся в карман за мобильником, чтобы проверить время. Потом вспомнил, что телефон не работает. Дэн не знал, который сейчас час.

Он многого не знал. Например, где сейчас Джен и дети. В безопасности ли они.

Ноги, не привыкшие к такой долгой ходьбе, начали болеть. Но, несмотря на дискомфорт, Дэн ускорил шаг.

Джен

Черепушка с водкой сильно запылилась, открывать ее, чтобы вылить содержимое в раковину, будет противно. Поэтому Джен закинула ее в пакет и оставила на столе, чтобы выкинуть по пути в магазин. А затем села переписывать список покупок.

Джем для арахисового масла, найденного в подвале. Майонез и сельдерей для тунца.

Что-то особенное для Хлои в качестве жеста доброй воли.

Как я буду готовить без электричества?

Джен проверила духовку. Она не включалась. Если свет не включает до обеда, то любимая Хлоей курица-пармезан отменялась.

Конфорки работали, но огонь нужно было зажигать спичкой. Можно попробовать пожарить курицу по-тайски и подать ее с рисом. Достойный вариант. Макс не любил жареное. Хотя он не любил вообще ничего, кроме пасты и бургеров.

Джен открыла шкафчик с крупами. Ничего годного. Рис закончился. Да и все остальное тоже.

Джен присела у пакета, куда убрала водку, и еще раз посмотрела список покупок. Рис там уже значился.

Что еще? Что пригодится при отключении электричества... что можно приготовить на конфорке... и не тяже-

ло тащить домой?

Ничего не приходило в голову. Похмелье не способствовало рациональному мышлению.

Существовало лишь два лекарства – время и то, что Джен не собиралась делать ни при каких обстоятельствах.

Она снова посмотрела на список и попыталась сосредоточиться. Глаза видели написанное, но Джен никак не могла собрать информацию во что-то осмысленное.

К черту! Разберусь в магазине.

Джен положила список в карман и поднялась. Потом повернулась к пакету.

Мне что, тащить это с собой?

Нет, это глупо.

Можно разбить. Сбросить со скалы. Разбить эту хрень о камень.

Церемониальное уничтожение казалось подходящим. Джен бросала пить навеки. Это было большое событие.

Мне нужен ритуал.

Среди дюжины статей о зависимостях и разрушении старых привычек, которые Джен прочла за последние несколько лет, она смутно помнила строки о том, что символические ритуалы помогают поддерживать решение бросить.

А в том, чтобы выкинуть пакет в мусорку, не было ничего символического.

Особенно когда бутылка внутри была такой грязной.

Джен не могла разбить грязную бутылку. Она испачкает

руки.

Поэтому Джен достала бутылку и отмыла ее. Пустые глазницы черепушки безразлично пялились на ее усилия.

Пьяный Гамлет. Мерзкий маленький хрен.

Где его разбить? Между домом и магазином не было никаких отвесных скал. Вообще ничего глубже сточных канав.

Мемориальный парк отпадал сразу. Что, если чей-нибудь ребенок порежется о стекло?

Может, похоронить его на заднем дворе?

Или упрятать поглубже в подвал?

Экстренная водка.

О боже, только не эта дурацкая идея.

Джен закладывала «экстренную водку» уже раз пять. Идея действительно была дурацкой. Слишком легко было объявить экстренную ситуацию и опустошить запа сы.

Давай начистоту, Дженнифер. Если ты ее оставишь, в конце концов ты ее выпьешь.

Но дело же в чем...

Неужели самым последним алкогольным напитком, который она выпьет, будет бокал дешманского вина? Который она даже не помнила?

Это звучало так жалко. Никакой ритуальности.

Поход в магазин пройдет лучше, если я немного смягчу похмелье.

ЗАТКНИСЬ, ДЖЕННИФЕР.

Ты заслуживаешь это похмелье.

Но речь не об этом.

Речь о символическом ритуале, чтобы закрепить новую привычку.

Полный разрыв с прошлым.

Тотем. Талисман. Символическое прощание.

Или я просто обманываю себя?

Смотри, света нет, машина не заводится – день уже испорчен.

ЗАТКНИСЬ!

Это глупо.

Джен смотрела на бутылку. Бутылка – на Джен.

После десятиминутного внутреннего монолога Джен сидела за кухонным столом и получала эстетическое удовольствие от вида «самого последнего алкогольного напитка Дженнифер». Водка в идеальной пропорции со льдом, налитая в лучший бокал из сверкающего воплощения смерти.

Это прощание.

Джен подняла бокал к губам и сделала длинный глоток, наслаждаясь привычным жжением в горле.

У нас были хорошие моменты. Тут не поспоришь.

Джен подумала, что стоит их перечислить. Забыть плохое и сфокусироваться на хорошем. На старых добрых деньках, до того как ее жизнь покатила под откос.

Это похороны. О мертвых плохо не говорят.

Помнишь первый раз?

В доме на озере у Келли. Лето восемьдесят пятого. Три

банки пива, костер и язык Билли Шобера у нее во рту.

Джен улыбнулась.

Хорошее было время.

Но были и другие воспоминания. Много других воспоминаний.

Подвал Мишель. Машина Брэда. Оба выпускных. То лето после старшей школы, когда она работала в кафе-мороженом на озере Мичиган.

Первая неделя в универе. Поездка на игру в штат Огайо.

Ром на Багамах во время весенних каникул.

Вино в медовый месяц в Санторини.

Ночи в барах Уортона.

«Гиннесс», который она выпивала каждую ночь, когда кормила Хлою грудью. Так вкусно. И по совету врача! Педиатр рекомендовала темное пиво в этот период.

Джен запрокинула стакан, подтаявший лед стукнулся о ее губы.

Блин, хочется еще.

Как подразнили!

Джен посмотрела на бутылку. Она была почти полная.

Что, если это был мой «предпоследний алкогольный напиток»?

Твою дивизию...

Вставай и иди в магазин!

Джен посмотрела на часы над плитой.

Но узнать время было нельзя – свет отключили.

Джен закинула в рот пару кусочков льда и задумчиво их пожевала.

Эстетически «теперь точно самый последний алкогольный напиток Джен» был настоящим разочарованием. Кубики льда, переложённые из неработающей морозилки в миску, которая потом слишком долго простояла при комнатной температуре, потеряли свои свойства. Они болтались на поверхности, как дохлая рыба, и слишком быстро растворились, даже не издав мелодичного постукивания, когда Джен поднимала бокал.

Более того, Черепок, как окрестила Джен бутылку, больше не блестел. Когда Джен попыталась меланхолично его разглядывать, она заметила, что глазницы запачкались ее же отпечатками пальцев.

Важный символический момент стал превращаться в обычный вторник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.